

18+

СЕРДЦА
ИЗ РАЗНЫХ МИРОВ
ЭКЗАМЕН

НАТАЛЬЯ ЮРАЙ

Наталья Юрай

Сердца из разных миров. Экзамен

«Автор»

2026

Юрай Н.

Сердца из разных миров. Экзамен / Н. Юрай — «Автор», 2026

Чтобы стать настоящим искателем Катерине Балашовой – девушке из будущего, нужно сдать важный практический экзамен в параллельной реальности, которая на несколько веков отстает от привычного для юной курсантки времени. Но запланированная практика оборачивается незапланированными приключениями и неожиданно возникшими чувствами к княжескому дружиннику. Вокруг девушки кипят нешуточные страсти, борьба за власть и обладание волшебными ресурсами. Сумеет ли Катя выбраться из прошлого, сохранить любовь и доказать, что способна стать искателем? Сюжет изобилует всяческим поворотами и изгибами и следует одной цели - не дать заскучать читателям.

© Юрай Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Кошка	5
ГЛАВА 2. Камень, маяк и вода	9
ГЛАВА 3. Беркут	13
ГЛАВА 4. Планы	19
ГЛАВА 5. Сны	23
ГЛАВА 6. Два пути	27
ГЛАВА 7. Цена	32
ГЛАВА 8. Не то, чем кажется	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сердца из разных миров. Экзамен

ГЛАВА 1. Кошка

Легкая поступь не потревожила никого. Дощатый пол даже не скрипнул. К тому моменту, как солнце тронуло лица спящих людей, она уже сидела на хозяйском стуле, закутавшись в теплую волчью шубу. Петухи давно прокричали о заре. Но на постоялом дворе в эту утреннюю пору явно не доставало гомона человеческих голосов.

Один за другим дружинники открывали глаза, пытались сесть, хватались за головы, стонали, ругались и снова валились на пол. То и дело скинутые чьей-то рукой падали и разбивались глиняные плошки и кружки. Вся эта нелепо шевелящаяся масса тел внушала ей ужас. Страх за последствия, как будто она и в самом деле была колдуньей.

Зубы стучали так, словно старались разбить друг друга в труху, и унять эту мучительную дрожь не было никакой возможности. Хотя ведь знала, что в таком невменяемом полусознательном состоянии эти здоровенные мужики пробудут долго, действие сонного порошка она уже неплохо изучила. Вроде и бояться нечего, но волнение всё равно колотилось в горле. Каждый раз находился кто-то, чья сила брала верх над колдовским пойлом, и вот его-то и нужно было обнаружить в первую очередь. Руки никак не согревались, и, хотя по спине противно стекал пот, каждый палец был будто опущен в ледяную воду. Ей срочно нужно было собраться.

— Да чтоб тебя раскурочило! — высокий мощный дружинник с трудом встал на одно колено, упёрся кулаком в пол. Было заметно, как подрагивает его рука, берущая на себя вес тела.

Ну, вот и он. Неподдающийся, неуязвимый для химического соединения её «чар». Она с усилием начала растирать ладони, и вскоре знакомое покалывание принесло физическое облегчение. Девушка несмело выпростала из-под серебристого меха руку, с кончиков пальцев стали срываться крошечные синие сферы, потрескивающие розовыми искрами. Как стая ворон, сперва парящие шары собрались в нестройную ватагу, а затем стали закручиваться в воздухе вокруг богатыря, который уже встал на ноги, но еще крепко держался за спасительный край тёмного дубового стола.

— Стой! — девичий голос осип, и оттого приказание вышло совсем не грозным. Ну чисто стон придушенного кошкой мышонка!

Дружинник поднял глаза, но в них не было знакомого ей выражения крайнего изумления и испуга. Напротив, взгляд этот мог прожечь дыру в стене.

— Код!

С противным пустым звуком сферы начали лопаться одна за другой.

— Ч-что?

— Код, говорю, назови!

— МТ-95... — девушка непроизвольно вскочила на ноги и сразу перешла в атаку. — Только не говорите, что вы тоже...

— Я тебе не то, что говорить, я тебя с потрохами комиссии сдам, идиотка! Ну почему, почему вы лезете туда, куда вас не просят!? Антидот дай!

— С-сейчас! — она попыталась снять со своей шеи оберег, продвигаясь вперёд и перешагивая через еле шевелящиеся тела, спотыкаясь и подхватывая полы шубы.

Стоило ей подойти ближе к искателю, а это точно был он, теперь Катя знала наверняка, как мужская рука крепко схватила шнурок, и воинственно настроенный богатырь начал рвать кожаный мешочек в поисках спасительной капсулы. Резко откинув голову назад, он проглотил антидот и какое-то время оставался недвижим, только тяжело и как-то неровно дышал.

Катя замерла как на экзамене. Впрочем, это и был экзамен, который она так бесславно провалила. В уголках глаз закипали предательские слёзы. Вправду ведь дура.

— Ещё какая! — на сильном выдохе прохрипел дружинник.

Катя опустила голову – считать мысли мог только искатель высшего уровня. Вот и пришёл конец её так и не начавшейся карьере. Тренировки, манускрипты, бессчётное количество часов подготовки — всё коту под хвост!

— Именно! – мужчина стоял перед ней расправив плечи, гордо вскинув подбородок, но всё ещё не отпуская столешницы. — Значит, третий пункт нарушаем, да? Значит, ради своих амбиций губим давно подготовленный проект, да? Да я на тебя такую докладную составлю, что тебя даже в мусорщицы не возьмут, слышала? Да ты у окошка крест-накрест вышивать будешь всю жизнь, фефёла!

— Крестиком...

— Что? — от резкого крика кошка, что пыталась умыкнуть недоеденную куриную ногу из чьей-то миски, резко вскинулась и, пробуксовывая когтями по доскам, умчалась на улицу.

— Крестиком я всю жизнь вышивать буду, — первая и единственная слезинка сорвалась с кончика носа и упала прямо в око седовласого воина, мутными глазами взиравшего на девушку с пола. Взгляд мужика при этом заметно прояснился.

— МТ-95. Это Ставра что ли ученички?

Катя лишь кивнула, слёзы распирали нос, она пыталась унять их, но уже представила себе, как жалко сейчас выглядит перед старшим товарищем. Практикантка-неудачница.

— М-да. Ставруша нюх теряет. Или хватку. Я бы вас так гонял, так... — дружинник резко замолчал, уставившись в пустоту. И как-то весь сразу подобрался. Был бы собакой, холка уже стояла бы дыбом. — Кони?

Катя поняла его с полуслова и отчаянно замотала головой. Коней она великодушно вывела и выпустила в поле еще рано утром. По росе. Оттого и замёрзла.

— Навыками ближнего боя владеешь?

— Да! — девушка скинула шубу с плеч и вытянула из ножен кинжал.

Дружинник взглянул на неё с отеческой жалостью:

— Прячься в подпол. Когда всё утихнет, погоди немного и только потом выходи. Уяснила?

— Нет!

— Ну и дура! — могучей рукой искатель опрокидывал лавки, выстраивая из них подобие коридора. Спешно выискивал у товарищей булавы и мечи, ногой отталкивая обмякшие тела подальше от предполагаемого места схватки. И только по каплям пота на его лбу Катя определила, что антидот ещё не начал действовать в полную силу. А значит, какой бы враг не приближался к постоялому двору сейчас, у него будет фора. По её, Катиной, вине!

Богатырь замер, оглядывая окна и дверь.

Заскрипели петли, и в образовавшуюся щель, не торопясь, вошла та самая заполошная кошка. Она мягко потрусила лапками по полосе света к ближайшему столу, где ещё так вкусно пахла вчерашняя трапеза. Катя чуть не зашипела «брысь», но краем глаза заметила, как растёт на стене чья-то тень. Секунда – и позади них стоял человек в чёрнёных доспехах и с двумя тонкими мечами в руках.

— Что, Феденька, финита ля комедия? Полегли дружиннички? — подчёркнуто иронично произнёс незнакомец с типично восточной внешностью. И тут же его блестящие тёмные глаза сузились, поймав в прицел Катю. — Дай-ка угадаю... Практикантка?

— Отец родной! — истошно заголосила девушка, бросаясь к ногам мужчины и цепко охватывая левую. — Не губи ты меня, глупую-у-у-у! Живота прошу!

— Переигрываете, барышня, — сочно захохотал воин в чёрном, перекладывая один из мечей в правую руку, — не верю!

Он схватил Катю за толстую косу и притянул её лицо вплотную к своему. Девушка едва касалась ногами пола, однако незнакомца это нисколько не смущало.

— Хороший был манёвр, но я просто так не падаю, знаете ли. Ого, Федя, да она у тебя краса-а-вица, — протянул мужчина. — Жаль будет уродовать столь редкий экземпляр. Чистейшей прелести чистейший образец.

Искатель молчал. Он сейчас больше походил на оловянного солдата — застывший, с бесстрастным окаменелым лицом. Прямо в его спину целились как минимум два копьё и один ятаган. Несколько мрачных силуэтов, проследовавших от двери, сливались с полумраком позади его мощной фигуры. Катя молниеносным движением выбросила вперёд и вверх руку, вонзив кинжал в неприкрытую латами подмышку неприятеля. Тот охнул, разжал ладонь, чуть осел, и девушка стремглав кинулась к Фёдору (так вроде бы зовут искателя?) А тот внезапно ожил. С пугающим свистом над головой Кати пронеслась огромная булава с металлическими шипами, затем рассёк воздух меч. Вскрик. Грохот падения. Снова вскрик и на этот раз звон металла о металл...

Спустя несколько секунд мимо девушки, забившейся под стол, разбрызгивая капли крови, катилась отрубленная голова. Катя ошалело смотрела на неё, не веря в реальность происходящего, и тут сильный рывок выволок её из укрытия.

— Ходу, ходу, ходу! — оглушающе кричал искатель в ухо и тащил за собой.

— Кто? — Князь истошно голосил во всю силу своих лёгких. — Кто посмел?!

Дружинники, выглядевшие как последние забулдыги, обезоруженные, с серыми лицами, не поднимали глаз. Они все разом сторбились, словно получили такой приказ, но даже если бы князь велел каждого из них обезглавить, не смогли бы объяснить, что произошло на этом треклятом постоялом дворе.

— Где Фёдор? Где воевода мой, я вас спрашиваю? Кто тут головы рубил, пока вы хмельные отсыпались. Чья кровь под ногами у вас запеклась, а?

Гробовая тишина в ответ, и только кошка, растянувшаяся под лавкой, задумчиво отстукивала кончиком хвоста затейливый ритм.

— Прости, светлый княже, не в памяти мы были, опоили нас недруги, как есть опоили, — глухо проговорил один из дружинников, не поднимая головы. — Наш недогляд, с устатку мы были, третий день в седле.

— С устатку!? А не с того ли устатку, что у вас позади тащится который день, а, Ватута?

Суровые лица, избитые ветрами и подкопчённые солнцем, начали густо краснеть. Любава ехала с ними от самой столицы, то значительно отставая от дружины, то непостижимым образом нагоняя её на привалах. Ведунья была весёлого, покладистого нрава, не чванливая, не болтливая. Кое-кого из воинов князя она не раз привечала в своей кибитке. Но никто и никогда грязного слова не смел про неё сказать. Даже и в мыслях не держали. И сейчас сильные и здоровые мужики стыдились грубых княжеских слов. Но в защиту Любавы никто не посмел выступить: слишком гневен был пеленицкий князь.

Могута, правитель Пеленицы, ходил взад-вперёд, сцепив руки за спиной. Его гордость — дружина, собранная из самых знатных вояк, не знавших поражения во многих битвах, сейчас являла собой удручающее зрелище. Он знал: люди эти умрут по его приказу, и вины их в произошедшем нет, но унять раздражение, переходящее в отчаяние, никак не получалось.

Исчез Фёдор. Они нашли его кушак — подарок княжны, с которым воевода не расставался никогда, считая верным оберегом. Залетело под лавку (в пылу борьбы, не иначе) кожаное оружье редкой выделки. Серебряные клёпки, выстроившиеся в форме круга, сияли как новые. А вот бычья кожа на краях давно стала чёрной, но прочности своей не теряла. Только неглубокие борозды и царапины на ней могли рассказать, сколько ударов этот воинский браслет принял на себя, защищая руку хозяина. Фёдор никогда не снимал его, словно сросся с этим

прочным и не особо красивым доспехом. Унесли ли княжеского воина бездыханным, бредёт ли он сейчас, привязанный крепкой веревкой к седлу лошади, кто ж знает.

Князь сел на лавку и спрятал лицо в ладонях. Произошедшее не оставляло шансов на то, что юная Всемила, его ненаглядное дитя, будет найдена живой. Фёдор с товарищами уже выследил похитителей, но исчезновение воеводы сильно задержало дружину. И все, кто сейчас молчали с Могутой рядом, осознавали этот расклад не хуже князя. Кошка в последний раз лизнула лапу, зевнула и направилась к выходу из горницы. Однако злой рок словно преследовал животное: его откинуло в сторону распахнутой со всей силы дверью. В проёме, уперев руки в косяки, стояла Любава.

— Жив ваш Фёдор! Живёхонек. Видела я его. Лошадушку чуть не загнала, к вам торопилась.

Вскинул голову Могута. Во рту у него внезапно пересохло от страшной мысли.

— Ну нет, светлый князь, ты на Фёдора напраслину не возводи! — Любава уселась напротив сгорбленной мужской фигуры. — Они с мальчонкой неслись во весь опор к Белой реке, а за ними сила чёрная! Три на десять воинов, не менее

Никто не проронил ни слова. Мужчины молча, без какой-либо команды со стороны Могуты, собирались, накидывали плащи, подхватывали оружие и один за другим выходили в ночь. Когда горница опустела, Любава вплотную подошла к вскочившему было князю и положила ему руку туда, где глухо стучало сердце.

— Не горюй, соколик. Всё сладится. Слово моё тебе. Оручье Федино не забудь.

Князь крепко обнял женщину, что-то прошептал ей в макушку и молча вышел. Любава усмехнулась:

— Давнишнее вспомнил. Не к добру.

Резко обернувшись, она взглянула на кошку, мерцающую жёлтыми глазами из-под лавки.

— Что? Ждёшь? Думаешь, успеешь наперёд наших молодцев? Удавить бы тебя, да силы у меня такой нет! — Любава со вздохом повернулась к двери и шагнула через порог.

А кошка пробралась на крыльцо, постояла, дожидаясь, когда последний всадник покинет двор, и, с шумом расправив чёрные крылья, взмыла в воздух.

ГЛАВА 2. Камень, маяк и вода

Она не так уж и долго спала. Не больше пятнадцати минут. В первый миг пробуждения внезапно ослепла, такой непроглядно тёмной оказалось ночь. Рядом раздалось фыркание лошади, и девушка попыталась было сесть, но оказалось, что руки и ноги связаны тонкой верёвкой. Катя озадаченно замерла, пытаясь восстановить в памяти последние несколько часов.

Скакали долго, погоня в конце концов отстала, и это было слишком внезапно, чтобы считаться простой удачей. Когда солнце село, они ехали по бескрайнему полю, трава на котором в сумерках казалось бурой, потом перед ними возникали один за другим овраги, неровности и холмы. И наконец встретился огромный валун, поросший мхом и даже с одного бока кустарником. Именно здесь они решили устроить привал.

Катя сползла с лошади и, с трудом передвигая ногами, не привыкшими к напряжению (скачки на лошадях без седла — то ещё удовольствие), прижалась к камню, сразу уснула: сказались волнения дня и физическая усталость. Кто её связал и зачем, вспомнить девушка не могла.

Вздохнув, не спеша, кончиками пальцев — как учили, вытянула из-за голенища сафьянового сапожка маленький раскладной нож и тут же принялась резать свои путы. Освободившись, вскочила на ноги и слегка размялась, как перед спринтерским забегом — тело затекло и требовало движения. До сознания пыталась достучаться какая-то тревожащая мысль. Привычно потянулась за косой, чтобы переплести (это здорово помогало сосредоточиться и успокоиться), но косы не было... Мысль добила-таки внимания: над Катиной открытой теперь шеей вились короткие локоны.

— Обидно? Ничего, до свадьбы отрастут, — голос Фёдора звучал глухо и чуть виновато. Он и сам не понимал, зачем отхватил девушке косу. Вернее, понимал — мальчишке проще добраться до пункта назначения, да и искать будут беглянку, а не беглеца. Но то, как беспомощно Катя пыталась нащупать остатки бывшего великолепия, как расстроилась, как мысленно сокрушалась по поводу потери, по касательной, совсем немного, задело и его. Впрочем, капля раскаяния быстро растворилась в беспокойных мыслях. — Верёвку подними, пригодится ещё.

— Зачем вы меня связали? — совершенно буднично спросила Катя. Ну нет косы, значит, нет. Забыли. Мороки меньше, да и голове, лишённой чуть не килограммового груза, стало удивительно легко.

— Сколько ты моим людям накапала? — ответил искатель вопросом на вопрос.

— По две дозы.

— Твою ж мать! Ох, встречу я Ставра, уж я ему выскажу мнение о восходящей педагогике.

— Я же не знала. Я же думала, что ничего страшного, а потом вот это вот всё, и вы, и я....

— М-м-м, — Фёдор вдруг как-то неловко сел на землю и привалился спиной к огромному валуну. — Ты уложила баиньки боевой отряд, понимаешь? Крепких мужиков, моих товарищей, отличных воинов, идущих по следу похитителей. Ты мне миссию практически провалила!

Катя села рядом и тоже опёрлась о камень. За день он нагрелся, но уже отдал всё своё тепло ночному воздуху.

— И всё же зачем вы меня связали? — девушка физически почувствовала на себе насмешливый взгляд.

— Чтобы в бега не пустилась, пока я в разведку хожу.

— И много разведали?

— О, да мы и зубки показывать умеем, — мужчина помолчал немного. Сказать по совести, ему сейчас было очень легко и спокойно. Не нужно было притворяться и следовать протоколу ассимиляции. Можно было употреблять в речи несвойственные времени и месту слова. Хотя

этот переключатель с современного языка на устаревший у него срабатывал автоматически и редко подводил.

— В трех километрах отсюда деревня, поедешь туда. Я вернусь к дружине, но сперва пару часов нужно поспать. Маяк работает?

Катя ощупала левую руку чуть выше запястья.

— Должен.

— Ну, значит, активируешь и будешь ждать эвакуации. Пару дней перебыёшься. Гусей пасти пойдёшь, фокусы за деньги показывать станешь или просто спрячешься где-нибудь. Это твоя задача и твоя проблема.

— Да, я поняла.

— Краткий расклад: у князя украли дочь – Всемилу. Похитители кружат по округе, убивают всех, кто может стать случайным свидетелем, и никаких требований пока не выдвигают. Но, думаю, будут просить княжий престол в обмен на девушку. Самое страшное, что они совершают вылазки в деревни, убивают и калечат селян.

— Зачем?

— Нагнетают атмосферу. Пугают, дают психологически. Показывают бессилие князя, его неумение управлять ситуацией. Люди волнуются, не могут понять, что происходит, а тревожная неизвестность, знаешь ли, из колеи выбивает и веру во власть подрывает. Их главарь – сволочь еще та. Ты его ранила, теперь он страшен вдвойне. Поэтому будь предельно осторожна. Поняла?

— Поняла, – глаза уже привыкли к темноте, рассвет стартовал где-то там, за горизонтом, и девушка пыталась рассмотреть собеседника.

— Что сдавала-то?

— Адаптивность и нетрадиционные методы нейтрализации. Только я сигнал не успела послать.

— Считай, что не сдала. Исключат теперь.

— Как пить дать! – Катя вздохнула, глаза и нос во второй раз за сутки начало отчаянно щипать. Ещё один признак профнепригодности.

Курс по психоэмоциональному регулированию поведения она сдала на «отлично». Возможно, могла бы даже стать великой актрисой, настолько просто ей удавалось перейти от дикого хохота к совершенно искренним слезам отчаяния. Катерина вздохнула глубоко и длила выдох столько, сколько смогла. Комок в горле исчез, нос высох, и она снова была в состоянии мыслить адекватно. Мама была чертовски права: гражданский космофлот был бы для её неудачницы-дочери лучшим местом для выстраивания карьеры. Спокойно, безопасно, вполне достойно, красивая форма, автопилоты, симпатичные коллеги-мужчины, коктейль «Лунная походка» в баре «Гравитация», семья, пикники и рецепты бабушкиных блинчиков – мечта нормальной девушки. А мимо неё головы отрубленные пролетают. Романтика!

— Ты так стремительно атаковала врага своей зубочисткой, что назрел вопрос, – Фёдор с тихим стоном подтянул тело повыше. – У вас рукопашку до сих пор Бабай преподаёт?

— Ага! – Катя слегка улыбнулась, вспомнив, как невысокий сухонький пожилой преподаватель на первом же занятии уложил на татами двух самодовольных курсантов, сомневавшихся в его возможностях.

— Славный старик. Правильный. Таких сейчас уже не делают, – Фёдор опустил голову на валун и закрыл глаза. И уже через несколько секунд Катя услышала мерное посапывание – уснул.

Ночи в конце мая всё ещё были холодными, и девушка вспомнила волчью шубу, которая согрела её на постоялом дворе. Сейчас на Кате были только холщовые рубаха да штаны, заправленные в невысокие сапожки, и она решила подвинуться к тёплому мужскому боку поближе. Затем ещё ближе. И ещё чуточку. Минутой спустя она уже спала на плече Фёдора.

— Меня Катя зовут! – спросили бы её, зачем она назвала своё имя этому мужлану, не ответила бы. — Катя Балашова.

Свет раннего утра был тепло-розовым, и лицо Фёдора, обращенное к ней, выглядело как реклама фермерского молока — пышущее здоровьем и слишком цветущее, чтобы быть настоящим.

— Будем знакомы, – ловко освободив стреноженную лошадь от верёвки, искатель не спешил продолжать разговор.

Катя понимала, что самое большее через пять минут они расстанутся и уже больше, наверное, никогда не встретятся. Ей предстоит нелегкое испытание комиссией, потом разговор с родителями, а затем мучительный поиск своего места в жизни. Мозг перебирал варианты, выстраивал схемы, но страх потерять всё, что она так сильно любила в своей учёбе и будущей профессии, отнимал силы, не давал сосредоточиться.

— Кобылу возьми. Она хоть и резвая, но неказистая, сильно привлекать к себе внимание не будет. У деревни спешись и опустишь её в поле. Если не словят или не съедят, до родного стойла доберётся. Добрая лошадка, надёжная, —крепкая мужская ладонь прошлась по бархатистой шее животного. – Удачи тебе, Катя Балашова.

Фёдор ухватился за гриву и легко вскочил на каурого жеребца. Конь тут же загарцевал на месте, а потом, высоко вскидывая передние ноги, ринулся с места в карьер.

— ... щай! – донеслось до Кати.

— Прощай, Фёдор-искатель!

Лошадь послушно двинулась к деревне. Занимался новый день, просыпались птицы, и пригретое солнышком настроение выравнивалось. Катя раздумывала, как ей действовать дальше, да периодически нащупывала маяк, но каждый раз передумывала его запускать, как будто для системы слежения разница в пару километров играет роль. Вот появилась левада, огороженная белёными брёвнами, но лошадей не было видно, широкая тропа вела от забора к колодцу с основательным срубом. В горле резко пересохло, и Катя тронула пятками кобылы бока. Привязав лошадь, она крутанула ворот, и бадья понеслась вниз. В корыто, врытое в землю у колодца, девушка сперва налила попить лошади, а затем сама приложила к краю бадьи и сделала первый глоток, прополоскала рот, сплюнула на землю. Заломило зубы, но прохладная влага освежила и заметно взбодрила. Пить много Катя побоялась, ледяная вода не слишком полезное угощения для голодного желудка, а вот умыться не помешало бы. Пока хозяйка плескалась, кобыла шумно отфыркивала брызги, периодически вскидывая голову и прислушиваясь. Нашупав под кожей маяк, Катя нажала на него с двух сторон и успокоенная села на траву возле колодца. Картинка вдруг стала размытой. Пытаясь убрать с глаз невесть откуда взявшуюся пелену, девушка потёрла лицо руками, и тут мощный спазм рвоты сотряс её тело.

Только через несколько минут Катерина смогла осознать, что произошло. В метре от её ног затихали конвульсии умирающей лошади. Последние судороги поставили мрачную точку в наивном утреннем плане возвращения практикантки из зоны испытаний домой. Вода в колодце была отравленной. Постепенно до Кати стало доходить, как она в очередной раз прокололась: подъезжая к деревне, не обратила внимания на странную тишину, нехарактерную для рано просыпающегося сельского поселения, где скотину выгоняют на выпас ни свет, ни заря, а хлеб начинают печь еще затемно. Либо люди покинули свои жилища, либо сейчас в каждом дворе лежат мертвецы...

Сознание туманилось, универсальный антидот был выпит Фёдором ещё вчера, а противоядие к элементарным ядам, вводимое курсантам перед испытаниями, начинает действовать не сразу. Пройдёт еще минут двадцать, прежде чем организм придёт в норму. Вода! Ей нужно срочно где-то взять чистой воды, иначе яд не победить. Катя с трудом – сначала на колени, потом, шатаясь, во весь рост встала и осмотрелась.

— Не пей, братец, из копытца, козлёночком станешь, — прошептала она немеющими губами.

Который день стояла сухая погода и луж, разумеется, нигде не наблюдалось. «Вернусь и пойду в космофлот!» — подумала курсант Балашова, прежде чем упасть навзничь.

ГЛАВА 3. Беркут

Рогволд стоял как истинный полководец – выпрямив спину, приподняв подбородок и сложив руки на груди. Взгляд его был устремлён в разгорающуюся красным точку над горизонтом. Вставало солнце, а он так и не сомкнул глаз. Саднила левая подмышка, хоть и обработана рана как следует, и заговоры произнесены нужные. Обидный до зубовного скрежета удар от пигалицы-практикантки. А хороша девка, чертовски хороша. Вот еще чуток ей подрасти, умишка поднакопить, можно и в огонь, и в воду, и за любым артефактом. Рогволд прочёл это в её глазах. Потрясающих карих глазах с золотистыми искорками на роговице. Мышка еще не догадывается, что ей только один путь — в его смертельную мышеловку. Её рассказ на комиссии будет изобиловать подробностями, а гнев бывших товарищей бывает чрезвычайно опасен, так что сгинет девица в чужой реальности бесследно. Жаль, конечно, но кто не с нами, тот против нас.

Узкие смуглые ладони легли ему на плечи, темнокудрая голова прижалась к спине.

— Ляжем, любимый мой? Хоть час, да наш.

— Не спится, обдумать всё надо и дело сделать. Ты схорон проверяла?

— Проверяла. Всё, как и в прошлый раз: и камушки на месте, и следов ничьих нет.

— Вот и ладно.

Предводитель разбойников повернулся к женщине, которая вот уже второй год следует за ним тенью и служит ему верой и правдой. Кетун была похожа на цыганку не только внешне. Её низкий бархатный голос, поющий странные песни на чужом языке, на привалах будоражил и привораживал его ватагу, а умение колдовать держало лихих ребят в подчинении. При этом ведьма никогда не лезла в разговоры, не высказывала прилюдного своего мнения, не командовала, не пререкалась ни с кем. Существовала параллельно и самостоятельно, чем добавляла себе исключительности в глазах окружающих. Ведьма умело пользовалась своей красотой, привлекая зажиточных купцов, обводя их вокруг пальца с истинно кошачьей грацией, но убивать обобранных жертв оставляла разбойникам.

Богатство ватаги росло с каждой удачной вылазкой. Золото, драгоценные камни, редкое оружие и меха ждали своего часа в небольшой пещере, но Рогволду было уже мало, он рвался выше. Ему всегда нравилась власть, возможность решать чьи-то судьбы, карать и миловать, отнимать и дарить. Кетун посмеивалась над его мечтами поначалу, но как-то увидела в бараньей лопатке нечто, что изменило её мнение. С того дня она стала атаману настоящей поддержкой, а не просто любовницей. Там, где Рогволд выстраивал сложный план, ведьма продумывала детали, и этот тандем был страшен и непредсказуем.

— Пусть люди спят. Коли спросят, где я, скажешь, что не их дело! — крепкий поцелуй не дал Кетун задать вопрос. — После всё расскажу.

Когда он в первый раз обратился, то испытал какой-то детский восторг. Должно быть бедолага Икар в начале своего полёта чувствовал нечто похожее. Сейчас превращение в птицу или собаку уже воспринимались проще. Знали бы его преподаватели, что вещали ему об этике с кафедр и парящих лектоэкранов, чего добился их курсант, которого чуть не исключили за аферу с ДНК Клеопатры. Они вытравливали в молодом человеке его флибустьерскую сущность, а ведь именно она помогала виртуозно справляться с испытаниями и экзаменами. Рогволд тряхнул головой: зачем сейчас он вспомнил о прошлом? Атаман глубоко вздохнул, настроился и в мгновение ока взмыл вверх бурым беркутом. Было уже достаточно светло, чтобы хищная птица смогла разыскать мужчину и женщину, спящих у большого валуна. Беркут действовал терпеливо, ждал, затем пролетел для верности над деревней, удостоверился, что отныне в ней нет жизни, а потом сопроводил девушку до места назначения. Наблюдал и снова ждал.

Вот она упала на спину, раскинув руки в стороны. Рогволд склонился над ней, провёл пальцами по нежной щеке, скрутил в колечко тёмно-русый локон. Вздохнул, подхватил руку, не сдержав порыва, поцеловал пальцы и вытащил тот самый кинжал, которым девчонка его ранила.

— Хорош малец! — Любава широко улыбнулась. — Хоро-о-ош! В грудях так истинно добрый молодец. Глаза меня подводить стали, м-да. Девку с парнем попутала!

Женщина убрала с девичьего лица потемневшие влажные пряди и с лёгкой завистью отметила и ровную кожу, и красиво очерченные брови, и даже потрескавшиеся и посеребрившие губы, которые, тем не менее, были весьма соблазнительной формы. Остальные прелести Любава окинула лишь мимолётным взглядом.

— Ну, девонька, давай-ка вызволять тебя из смертной беды! — приподняв голову девушки, ведунья попыталась напоить её из бурдюка, но мешали плотно стиснутые зубы. — Давай, красавица, пей! Пей, голубка, чистая вода, чистейшая.

Спустя четверть минуты Катя всё же разжала челюсти и закашлялась, захлебнувшись первым глотком. Дальше дело пошло легче. Через некоторое время она даже смогла сесть, но тут же, почувствовав позыв к рвоте, попыталась отползти от своей спасительницы.

— Да не стыдись, отравы — она такая. Выгоняй её из нутра, выгоняй! А я и не такое видывала, девонька, не стыдись! — Любава встала, отряхнула юбки и отвернулась от вздрагивающей в спазмах девушки. Сделала пару шагов от колодца, осмотрелась. — Это кто же такое сделать посмел. Нелюди! О-хо-хо...

Ведунья достала из сумы холщовый мешочек, вынула из него горстку сухой травы, растёрла ее пальцами в труху и понюхала. Затем плеснула в ладонь воды из бурдюка и мизинцем замесила кашицу. Подсела к Кате:

— Глотай!

Та послушно с руки своей спасительницы слизнула неизвестное науке снадобье и, обессиленная, уткнулась Любаве в плечо. Мозг сам решил: если помощь пришла, нужно её принимать, а тело просто подчинялось, выбора-то не было.

— Хорошо. Жуй медленно и глотай. Опосля тебе воды дам.

Катя следовала указаниям, жевала, запивала, снова жевала, и так раза три, пока ведунья удовлетворённо не хлопнула ладонью о ладонь.

— Мутит ещё?

— Нет, тётенька, не мутит. Голову кружит.

— Ну, это ничего! Покружит, да и кончится. Пей больше! Пей, пока в горло вода литься не перестанет!

Они посидели молча еще минут пятнадцать. Катя то и дело прикладывалась к бурдюку и чувствовала, как возвращается в нормальное состояние. Противоядие или трава тому были причиной, ей не хотелось думать. Она словно чудом спаслась из болота, и сердце до сих пор заходило от ужаса смерти, который пришлось испытать.

— Ну, горемычная, полезай в кибитку, поедem в Пеленицу. Там будем Фёдора дожидаться. Коли он рядом с тобой не полёг, стало быть, жив?

Катя вскинула голову:

— Жив! Но я не могу с вами, мне нельзя! Мне здесь ждать нужно, меня заберут! — и осеклась под внимательным взглядом Любавы. — Друзья заберут.

— Друзья-я-а-а, — протянула ведунья, — друзья-други — каждому по подруге. Стало быть, оставить тебя тут? Одну?

Катя кивнула и широко улыбнулась. Нет, определённо театр потерял в её лице талантливую исполнительницу.

— Благодарствую, тётенька! Коли не ваша помощь, не видать мне света белого. Напужалась я сильно, ой как напужалась, тётенька! А сейчас хоть пой — так хорошо стало!

— Странно ты разговариваешь, голубка моя. Не наших краёв речь. Ты откуда будешь?

— Отовсюду буду. Нет у меня родного края. Мы дорожные люди, скоморошье племя. Где свадьба, где пир княжий, так и колесим по лесам и долам. Не помню, где родилась, кто отец с матерью. Подкидыш я, сирота, — зачастила Катя, нутром чувствуя, что женщина ей не верит.

— Как вас величают, тётенька? Имя буду ваше помнить, за добро добрым словом поминать!

— Ведунья я. Любава.

— Любава. Красиво! — Катя машинально накрыла ладонью маяк и вдруг с ужасом почувствовала, а затем и увидела на коже надрез с подсохшей кровью.

— Это... Это вы? — сипло спросила она.

— Что? Рана? А ну, дай гляну!

Любава закатала Кате рукав, быстрыми движениям набрала воды, омыла ранку, достала из сумы узкую полосу полотна и наложила повязку как заправская медсестра.

— Заживёт, не глубокая. Оцарапалась, поди, когда падала, — женщина огляделась и в который уже раз за последние полчаса задумчиво взглянула на девушку: поблизости не наблюдалось ничего, что способно оставить тонкий чистый надрез, а уж получить такую рану в падении было и вовсе невозможно.

Катя же лихорадочно соображала, как поступить. То, что маяк вытащили намеренно, не было сомнений. Но кто так не хочет возвращения девушки домой? Если напавшие на них с Фёдором разбойники, то им гораздо проще было бы убить её. Ведь предводитель, который прекрасно понимал, кто есть Катя на самом деле, скорее всего, чёрный искатель, ему уж точно свидетели не нужны. Или он её и убил? Думал, что убил. Воду же отравили. Голова снова начала болеть и кружиться, и с губ девушки сорвался громкий стон.

— Не оставляю я тебя, голубка. Нечисто тут, недоброе вокруг вьётся, уж поверь. Поехали в Пеленицу, поживёшь у меня, а друзья твои... — тут Любава вновь с подозрением взглянула на девушку. — Друзья тебя найдут. Вставай-ка!

Катя с трудом дошла до кибитки, перевалилась через борт и мешком рухнула на разосланную свежую солому.

— Вот и ладно, вот и ладно, — ведунья быстро развязала очередной мешочек, — поспи, голубка, поспи дорогою! — и силком втокнула снадобье в рот девушки.

Через пару минут Катя провалилась в глубокий вязкий сон и проснулась только когда солнце клонилось к закату. Судя по всему, уехали они от злополучной деревни очень далеко. Катя пыталась припомнить подробности карты местности, но каждое усилие мысли вызывало приступ головной боли. Как там говорил господин Санджай, читавший лекции о восточных практиках? Лечь и предоставить телу возможность жить своей жизнью. Когда Любава обернулась в очередной раз проверить девицу, та лежала, вытянув руки вдоль туловища, обмякшая и бледная, но лицо было спокойным и словно светящимся.

«Эка разморило», — подумала ведунья и, взмахнув кнутом скорее для устрашения, чем для удара, прикрикнула на гнедую лошадь с белой звездой во лбу. Та задвигалась проворнее, и вскоре женщины уже подъезжали к сложенной из плит известняка высокой стене, в которой зияло чёрное отверстие городских ворот. Стражники заступили дорогу:

— Любава, ты ли?! Вестей от дружины везёшь?

— Везу, везу, да не на твоём возу. Дорогу дайте, недосуг мне сейчас болтать!

Деревянные колёса загромыхали по выложенной камнями главной дороге. Она вела прямо от ворот к княжескому терему. Других признаков транспортной цивилизации в стольном граде не наблюдалось. Хорошо утрамбованная пыль да почерневшие от грязи и времени доски — вот и всё дорожное покрытие. Кибитку нещадно трясло, выбивая из Кати остатки сна.

Они ехали по городу совсем недолго, вскоре Любава добралась до своего дома. Небольшой двор с сараем, несколько кур, невысокая, но крепкая хижина с прочной дверью из морёного дуба. Внутри печь, стол, лавка, да закут, размер которого Катя определила как крошечный, хотя и был он завешен куском ткани с вышивкой.

Пока Любава распрягала лошадь, отталкивала кибитку в сторону (крытая повозка занимала два ли не весь двор) и растапливала печь, девушка сидела на лавке, не в состоянии активно двигаться, бессильно свесив руки.

Женщина кашеварила, когда со двора раздался мужской окрик, не сулящий доброй встречи:

— Любава!

Было заметно, как напряглась спина ведуньи, но Катя отметила, что та быстро взяла себя в руки, выпрямилась, аккуратно поставила ухват к печи, вытерла ладони о передник и решительным шагом направилась к двери. Однако гость уже влетел в горницу, перекрывая тусклый вечерний свет мощной фигурой.

— Здрастье! – весело, но вяло произнесла зачем-то Катя и добавила уже с хорошей порцией сарказма. — Дяденька.

Княжий воевода глянул на неё исподлобья — приветствие это было не в ходу у здешнего народа — но ответом не удостоил, обратившись к Любаве:

— Не врут люди, стало быть! – Фёдор стоял перед ними, грозно сверкая очами, написали бы в былинах. Мужчина и вправду выглядел крайне злым, но как он будет объяснять своё состояние ведунье, которая ведь не в курсе предыстории? С Кати слетела вся сонливость, и чувство злорадного удовлетворения придало ей ещё большей смелости.

— Как поживаете?

Фёдор даже не повернулся к девушке, продолжая прожигать взглядом Любаву. Та усмехнулась и с вызовом сложила руки на груди:

— Ты, добрый молодец, чего налетаешь как орёл на цыплят, а? Я тебе дорогу перешла, аль в прошлый раз рану тебе криво залатала? Может, обидела тебя чем?

Говорила женщина негромко, но тональность речи явно намекала на крайнее возмущение.

— А ну! Сядь, и не громыхай мне тут, запечный богатырь!

Фёдор, к удивлению Кати, смиренно уселся рядом с ней на лавку, сложив руки на столе. Вздохнул, покрутил головой как жеребец в стойле, спокойно, но твёрдо произнёс:

— Прости, Любава! Вина моя, здоровья не пожелал, не гневайся. Я непутёвую эту отправил домой, а она с тобой в стольном граде обретается. Сказывайте, что с вами приключилось?

— А и нечего мне тебе сказывать, дел много! Пойду к соседям, квашню попрошу али закуску, мне девку на ноги ставить, хлебы печь. А вы тут сами разбирайтесь, кто из вас непутёвый. Приду, и мне всё расскажете. Всё, Фёдор, от первого до последнего словечка, ясно ли?

Воевода кивнул. Катя молчала, в уме подбирала слова, не зная, с чего начать. Любава накинула платок и вышла, оставив гостей выяснять отношения. Когда за ней захлопнулась дверь, Фёдор резко развернул Катю к себе и больно приподнимая её веки пальцем, стал всматриваться в белки глаз. Потом оттянул нижнюю губу. Удовлетворённо хмыкнул и резко встал.

— Ты никого не заметила? Как вырезали маяк не почувствовала?

Считал, значит, воевода её мысли. Удобная система коммуникации.

— Нет. Я как в яму провалилась. Ничего не чувствовала. Совсем.

— Кто воду отравил догадаться можно, а маяк он вынул, чтобы ты его не выдала, м-да... Отключил и себе забрал. Зачем? Или это ты решила поиграть в опытного искателя? Прикидываешься невинной жертвой, а сама...

Резко вскочив, возмущенная Катя пошатнулась – голова закружилась с такой силой, что колени ослабли, тело обмякло, и девушка начала падать. Фёдор подхватил её рукой, практи-

кантка приникла к мужской груди. И, как в плохом водевиле, дверь в горницу распахнулась. Придерживая отороченные соболем длинные полы кафтана, порог перешагивал Пеленицкий князь собственной персоной.

— Вон оно как! – присвистнул правитель и невесело улыбнулся. – Фёдор, ты опять девицу от беды бережешь?

Воевода невозмутимо подхватил потерявшую сознание Катю на руки и буквально закинул на печь.

— Да что поделывать, княже, они сами мне в руки падают как яблоки спелые. Спасу от них никакого!

— Сказывай, – князь сел на лавку, привалился к стене и устало вытянул ноги в красных сафьяновых сапогах, – я ко всему готов.

— Еще одна деревня. Девчонку оттуда Любава вызволила. Отравленный колодец.

Князь прикрыл ладонью глаза.

— Мочи нет, Федя, ни единой силушки уже не осталось. Ночи не сплю. Если бы не княгиня, совсем разум потерял бы. Да хоть мёртвую дочь найти бы! Коли честь поругана, коли прибили её, так похоронить по обычаям человеческим, не то сгинет в полях как дохлый заяц.

— Чего развылся, светлый княже? Чай не баба! – вернувшаяся от соседей Любава со стуком поставила горшок на стол, развязала платок и спустила его на плечи. – Всемила твоя честь для мужа бережёт и костями ляжет, а в поганые руки не дастся! Ты мне лучше скажи, чего вы улицу перегородили войском своим, али боитесь, что у меня тут степняков сотня спрятана в подполе? Или нынче так в гости наезжают – с дружиной да с гончими собаками? А болезная моя где?

— На печке лежит твоя девка, в себя приходит, – Фёдор сел рядом с князем и положил ему руку на плечо. Вольность неслыханная, но князь даже не шелохнулся. – Мы найдём её, княже, слово даю! Или не бывать мне больше воеводой, да и не жить мне без Всемилы. Сам ведаешь, поди.

— Ведаю, – шёпотом произнёс князь. – ведаю, друг мой верный. Если кто и найдёт Всемилушку, так только ты. Сердце приведет.

На печке Катя внимательно вслушивалась в каждое слово. Почему Любава позволяет себе так грубо говорить с правителем города? Какая она, Всемила, что её так крепко любит Фёдор? Почему князь, который никогда не отдаст дочь за воеводу, столь лоялен к чувствам молодого своего подданного? Сухое тепло обволакивало каждую клеточку, снова наваливался сон, и девушка не заметила, как крепко уснула.

Всемила смотрела на себя в отполированную до зеркального блеска серебряную пластину. Она пошла в отца статью и лицом, а вот от матушки унаследовала цвет глаз и роскошные волосы, правда темно-каштановые, а не огненно-рыжие. Мать она совсем не помнила – та умерла, когда девочке было три года. Однако нянька, до того, как новая княгиня не отослала её на дальний хутор, рассказывала, что первая жена князя была белолицей, рыжеволобой и веснушчатой. Более всего людей поражали её глаза, опущенные светлыми, загнутыми вверх ресницами, — в гневе цвета болотной тины, а в счастии — ярко зелёные. Поговаривали, что именно этими глазами колдовскими и приворожила девушка князя, которому о ту пору прочили в жёны аж трёх невест из хороших домов и богатых родов. Да и то сказать, был Могутиа хорош собой, силён, весел и щедр. Справедливостью своею снискал уважение у простого народа. А уж когда женился во второй раз, то и княжество будто расцвело: много лет ни засух, ни обложных дождей, ни мора, ни войн. Довольный люд и думать забыл о своих подзрениях, жили и не тужили.

Медленно водила девушка щёткой по густым волосам, достающим до самых колен лёгкими завитками. Её нельзя было назвать высокой, но стройность и царская осанка добав-

ляли роста. Миловидное лицо, длинная красивая шея, высокая грудь и особенная способность выглядеть хорошо даже в растрёпанном виде, придавали девушке особую манкость. Княжна засиделась в девках, но женихи у дверей её светлицы не толпились: слишком своевольной и свободной слыла дочь Могуты у искателей покорности и услужливости. Девушка коснулась пальцем родинки на шее, что у самой ключицы, вспомнила, как однажды поймала взгляд Фёдора, устремлённый на эту отметину. Улыбнулась. Обернулась на звук: на подоконнике, вонзив острые когти в тёмное дерево, сидел бурый орёл. Всемила подошла к нему вплотную, протянула руку и дотронулась до нежного пуха у основания клюва. Хищная птица, коих до того в княжестве Всемила не видывала, прилетала к княжне уже не в первый раз.

— Привет, дружочек. Где летал, что видывал? Сказал бы хоть словечко! – рука бессильно поникла, слёзы набежали и стали скатываться одна за другой по щекам. Крупные, солёные. – Вот взять бы и улететь с тобой к бабушке, на волю.

Княжна прижалась спиной к стене, сползла на пол и зарыдала в голос. Ей так остро стало жалко себя, такую молодую и полную сил, но не способную вершить свою судьбу. Она не увидела, как беркут сорвался с места и, набирая высоту, громко захлопал крыльями. Мощная птица поймала восходящий поток и, отдавшись силе ветра, громко заклекотала. Как его бесят эти бабские слёзы! Чёрная кошка, до того момента мирно дремавшая на кровати, потянулась, спрыгнула на пол и потёрлась о ноги плачущей красавицы. Еще не время, ещё не время...

ГЛАВА 4. Планы

Вода была ледяной – конец мая, только-только из глубоких оврагов стоял снег, но Меньша купал коня. Оглаживал широкие бока, промывал гриву и хвост, перебирал жёсткие пряди руками. Его жеребец одним из первых вернулся к хозяину после той позорной ночи на постоялом дворе. Меньшу передернуло, но он тут же начал напевать непристойную песенку, что была в ходу этой весной: про бабу, что скирдовала сено.

На берегу толпились прачки, раздавались взрывы игривого смеха. Девушки завлекали молодца, но он глаз не отводил от своего вороного. Обнажённое по пояс мощное мужское тело заставляло женские сердца трепетать: ни жиринки лишней, все складно да ладно. И девиц, забросивших стирку, мог бы понять даже мужчина: таким пригожим добрым молодцем отчего же не полюбоваться.

Меньша гордился тем, как липнут к нему бабы. Кудрявый русоволосый богатырь с ясными синими глазами разбил немало сердец, но больше одной-двух ночей не задерживался ни с кем. В дружине он был первым ходоком по бабам, и его товарищи нередко подшучивали над любвеобильным другом. Но насмешки над Меньшей имели свои границы. Он никогда не позволял себе ни словом намекнуть, чьи уста целовал. Ни имён, ни сословий. И за эту деликатность, хотя слова такого дружинники и не знали, парня уважали.

Мокрые штаны облепили сильные ноги, Меньша вскочил на коня и, поднимая стены холодных брызг, выехал на берег. Девушки примолкли и долго еще приходили в себя, пока молодой воин князя не скрылся из виду.

— Ох, не бейся сердечко-о-о! – затянула одна из прачек высоким красивым голосом.

— Ох, не бейся ретивое-е-е! – подхватили её товарки, и песня о девичьих страданиях понеслась над водой.

Чуть поодаль от них, выше по берегу, за густыми кустами ракиты, жадно пил чёрный пёс. Он оббегал весь город и нашёл, что искал. Ту, что искал. Волчья на вид морда поднялась от воды и замерла – пели прачки и вправду очень красиво. Рогволд завыл во всю мощь собачьих связок и лёгких, и пение замолкло, а вскоре раздались и испуганные вскрики. Пёс осклабился, что означало злорадную улыбку, и побежал по берегу до того места, где старые сосны с подмытыми паводком корнями образовывали что-то вроде зелёной арки. Нужно было поохотиться.

Раскрасневшийся Ватута оторвался от ковши с ледяным квасом, утер густые усы рукавом и продолжал:

— Так вот я и думаю, братцы, а не тот ли это терем, где воры и прячут княжну нашу?

Фёдор уже в который раз отмерил ровно двадцать шагов из угла в угол. Ему уже начало казаться, что он не найдет Всемилу никогда. Но Ватута был опытным следопытом и слов на ветер не бросал, значит, приметы верные.

— Собираемся! – скомандовал воевода, и его воины без лишних разговоров принялись оправляться, проверять оружие, заворачивать в тряпицы снесь и Любавины снадобья. Кто знает, чем обернётся очередной скорый поход.

Меньша успел вовремя. Заскочил в горницу, по традиции стукнувшись лбом о притолоку, и оказался лицом к лицу с Фёдором. Они были одного роста, одного физического типа. Только Меньше ещё предстояло заматереть, а Фёдор уже являл собой истинный расцвет мужественности.

— Едем?

— Едем, Меньша. Ватута разведал одно местечко. По всему сходится, что Всемилу там держат.

Метнувшись к одной из лавок, Меньша выхватил из кучи своих вещей тонкую кольчугу, перевязь с мечом и ту самую страшную булаву, которой Фёдор отбивался на постоялом дворе. Мужчины вышли вместе, торопясь к конюшне. Предстояло несколько часов провести в дороге, и времени терять не стоило.

Княгиня Мэрит, стоявшая на крыльце, проводила двух богатырей взглядом. На её родине такие воины заплетали бороды в косы и скрепляли их железными кольцами. На её родине девочку могли бросить в море во славу богов, а мальчика — никогда. Поэтому мать с детства говорила ей: «Мэрит, будь сильной, будь не хуже мужчин, будь умнее их. Слабость — это смерть!»

Когда вдовый князь Могута увидел её на ярмарке в Новгороде, куда северяне привезли меха, моржовые клыки и вяленую рыбу, Мэрит решила во что бы то ни стало остаться с ним. Рослая, ладная, с косами цвета выгоревшей на солнце льняной пряжи, она очаровывала каждым движением и горделивой осанкой. Конунг, имевший двенадцать детей, среди которых было лишь четверо сыновей, долго не раздумывал. Свадьба была скорой, обмен подарками щедрым, а брачная ночь Мэрит — бесконечно изматывающей. С тех пор минуло более десятка лет. Они не смогли сохранить троих нерождённых детей, а после и вовсе потеряли надежду.

Княгиню скоро будут звать старухой — тридцать лет прожила под солнцем и луной, но она все пробовала и пробовала снадобья да заговоры. Могуте нужен наследник, иначе княжеству не устоять. Её бабка отсчитала семьдесят зим, пережила четверых своих детей; боги не оставят дочь Севера и её дитя, если оно появится на свет. Старая знахарка присоветовала возлечь с другим мужчиной, раз семя князя не даёт всходов. Мэрит горячо любила мужа, но начала приглядываться к боярам да воинам, за что ночами ругала себя и плакала, закусив уголок подушки с гагачьим пухом.

Однажды Фёдор поймал этот её взгляд и с тех пор стал обходить стороной, как волк охотничью петлю. Мэрит посмеивалась над воеводой, но время шло, и нужда бездетной княгини становилась всё сильнее. Росла и хорошела, но уже начала засиживаться в невестах Всемила, которая могла принести отцу не только союз с сильным княжеством, но и наследника-внука. Эта девочка всё больше раздражала Мэрит, выступая живым укором женской несостоятельности княгини. Раз первая жена понесла и родила нормальное дитя, стало быть, вина за отсутствие наследника на второй супруге Могуты.

Князь обедал, кидая говяжьи мослы гончим псам. Он был хмелён и раздражителен, что случалось всё чаще. Мэрит присела на подлокотник, уткнулась губами в поседевшую макушку. Могута откинулся на спинку и жирными руками притянул жену на колени.

— Что, ладушка, жалко тебе меня, да? Жалко! Жалкий аки смерд бесприютный. Старый смерд. Каково тебе с таким жить, а? Противно? Вот пойдем по миру и будем как эти собаки помои слизывать. Останешься тогда ты со мной, будешь верна обетам свадебным? — Могута с силой оттолкнул от себя блюдо с мясом, на грохот приоткрылась и тут же захлопнулась дверь — слуги знали своё место.

— Дружина выехала, — Мэрит хорошо выучила чужой язык, но полностью перенять говор пеленичей так и не смогла.

— В который уже раз? — князь отхлебнул из серебряного кубка. — Всё без толку!

— Фёдор не предупредил тебя, и ...

— Довольно! — рывкнул князь, и больно схватил жену за подбородок. — Не цепляй моих людей! Воевода знает, что делает, на то воеводою и поставлен.

Терем был старый, вокруг доживали свой век яблони и вишни, бревенчатый частокол большей частью лежал на земле. Когда-то здесь проводила лето княжеская семья, но после смерти молодой княгини дом забросили и оставили тихо гнить. Дружинники спешились у дальней рощи и шли к месту, таясь от случайных взглядов. Сейчас они обходили терем, занимая

позиции. Входная дверь неожиданно оказалась крепко запертой изнутри. Меньша, как самый ловкий и молодой, запрыгнул на перила крыльца, ухватился за конёк малой крыши, взобрался на скат. Пытаясь удержаться, заглянул в открытое оконце, откуда сейчас же просвистел нож, пущенный уверенной рукой прямо в дружинника. Меньша ловко увернулся, лезвие вонзилось в ствол дерева, Фёдор дал своим людям знак рукой. Тут же два дюжих богатыря, обнявшись и отойдя на пару шагов для разбега, сходу вышибли дверь. С глухим звоном отлетел засов, и дружинники забежали в терем.

Воевода ждал. Его ребята хорошо знали свою службу, понимали друг друга с одного взгляда, кивка, движения руки. Раздались крики, звуки борьбы, предсмертные хрипы, и вскоре наступила тишина. В рядах княжеских воинов потерь не было, не считая пары ран, а вот неприятеля уничтожили полностью. Полегли все пять человек, которых Рогволд оставил охранять терем. Княжну, если здесь и держали, перевезли в другое место. «Очередная ловушка», – сокрушался Фёдор, аккуратно перешагивая ноги мертвого разбойника.

Одна из светёлок казалось обжитой. Кровать с пуховыми перинами выглядела свежей. Фёдор взял в руки подушку и вдохнул запах. Её запах! На мгновение в глазах потемнело, но воевода тут же пришёл в себя. Значит, Всемила ночевала здесь. Спала.

Мужчина подошёл к слюдяному окну, распахнул его настежь, вцепился стальной хваткой в подоконник, так сильно его колотила дрожь. Он знал, что шансов на счастье с княжной у него никаких, знал, но глупое сердце, которое не хотело слушать приказов мозга, болело и лишало покоя. Вдруг мужчина негромко выругался – в большой палец левой руки впилась заноза. Внимание Фёдора переключилось на истерзанное в щепу дерево узкого подоконника: всю его середину покрывали странные отверстия, словно кто-то неглубоко забивал в древесину большое шило. Туманное воспоминание возникло где-то на периферии сознания, но тут в светёлку влетел Ватута, державший в вытянутой руке обрывок тесьмы, расшитой речным жемчугом.

— Где?

— За частоколом. На закат уехали.

— Умница девочка. Не зря учили мы её, Ватута, не зря. Сумела-таки знак подать! Ищите там!

В следующие пятнадцать минут дружинники обнаружили тщательно замечённый свежий след нескольких верховых и тронулись в путь.

— Ключули? – Рогволд медленно правил оселком лезвие узкого кинжала.

Кошка мягко запрыгнула на лавку и принялась вылизывать лапу, к которой присохла кровь.

— Вот и славно! – атаман протянул руку, и кошка потёрлась о неё мордочкой. – Стало быть, переходим ко второй половине плана.

Рогволд залюбовался изящной, но крепкой кованой гардой. Идеальное оружие для женщины. Кетун дыхла в затылок: «Всё уже готово, любимый мой!» и задула свечу.

Озимые этой весной взошли дружно. Молодая зелёная поросль радовала глаз.

— С овсом ноне будем, в зиму набьём полные закрома! – крестьянин с окладистой бородой шел впереди своих сыновей по узкой тропке. На дороге осталась стоять жерёбая кобыла, запряжённая в телегу. – Глянь-ка, плешь осталась, никак камень наружу выходит. Полно тут камней этих.

— Где, тять?

— А вона... – сильный порыв ветра не дал закончить фразу.

Из-за леса, с верхушек которого с тревожным криком слетало вороньё, показались сначала три огромных головы, затем крылья и под конец туловище с длинным, заметно сужающимся к концу чешуйчатым хвостом и огромными лапищами. Змей взмыл вверх, сделал полу-

круг и спикировал на крестьянскую лошадь. Раздались утробный рык и громкое ржание, от взмаха неимоверно больших крыльев взметнулась вверх дорожная пыль, послышался треск ломающихся оглоблей и разбивающейся о землю телеги.

— Тятя, а это чего?

Но крестьянин не отвечал. Змей вернулся сюда спустя много лет. Пришла беда – отворяй ворота!

ГЛАВА 5. Сны

Это был странный звук, словно кузнец–великан раздувал меха в открытой кузнице. Он повернул своё лицо, на котором тонкой белой нитью от кончика брови к щеке висел шрам...

Всемила выпрыгнула из сна, резко села. Звук не исчез, он угрожающе нарастал. Княжна распахнула окно, через мгновение рядом на лавку запрыгнула кошка. Две пары глаз, не отрываясь, смотрели на захватывающее дух зрелище: по предрассветному небу летел змей о трёх головах. Всемила зажмурилась и вновь взглянула – так и есть! Летит!

Девушка обратилась к кошке с немым вопросом, будто та могла ответить: «Ты тоже видишь?», но животное уже спрыгнуло на пол, потеряв интерес к происходящему. В голове Кетун неистово стучало, нужно было что-то предпринять! Кошачьи лапы настойчиво заскребли дверь, которая чуть приоткрылась. Всемила даже не оглянулась. Змей уже исчез из вида, а оторопь от увиденного всё не проходила. Пока кошка бегом неслась к выходу, разбойник, стороживший княжну, заглянул в светлицу, заметил темный девичий силуэт на фоне окна, прикрыл дверь и снова уселся подле неё на пол.

В себя Всемила пришла только когда увидела белую полосу зарождающегося света на горизонте. Не ввали сказки, и няньки не ввали. Змей Горыныч, трёхголовое чудовище, пожиратель скотины и разоритель деревень, вновь принесёт горести её любимому краю. Княжна встала, зачерпнула воды из липовой бадейки и умылась. Потом надела рубаху и просторный сарафан. Машинально тронула место, где спорила тесьму. Фёдор её обязательно найдёт!

Три года назад, когда в Пеленице разом прирастали две улицы (князь тогда помогал строиться мастеровому люду), на глаза Могуты попался крепкий молодой мужик, помогавший новосельцам перетаскивать с воза на двор, где стучали топорами плотники, брёвна для сруба. Ничего необычного, богатырей здесь хватало. Сказывались вольная жизнь да хорошая еда.

Ещё с испокон века жили в этих краях здоровые бабы, вынашивающие и выкармливающие крепких детишек. Считалось, что причина тому – родниковая вода, бьющая из-под земли в нескольких местах. Будто древние колдуны наговорили на неё особые заговоры, и с тех пор она не просто утоляла жажду, но наполняла силой и красотой.

И Могута проехал бы мимо, если бы не заметил случайно, как скинул парень рубаху – употел, работая, и облил себя из ковша водой. На левом боку, едва касаясь края штанов, белел шрам. Князь узнал этот характерный полумесяц, обращённый рогами вниз. Удар мечом был нанесён сверху, клинок раскроил кольчугу и тело разрезал уже не с прежней страшной силой, что спасло витязю ногу или, быть может, жизнь. Присмотревшись, Могута увидел ещё несколько белёсых отметин. Князь чуть прикусил кончик уса, задумавшись и не спуская глаз с богатыря, тронул коня. Свита двинулась следом.

— Как живёшь-поживаешь, добрый молодец?

Парень мигом надел рубаху и отвесил земной поклон.

— По здорову, господарь!

— Зовут как?

— Фёдор.

— Фё-о-о-дор, – Могута пробовал имя на языке. Непривычно, но звучно.

Тут брехливая дворовая псина рванула кудлатую кошку за загривок, кошка вырвалась и метнулась прямо под ноги одной из мохноногих лошадей, возивших строительный лес. Испуганная кобыла дёрнулась, телега за ней, а брёвна, до той поры спокойно лежащие навалом на возу, дрогнули и со стуком одно за другим начали падать и катиться по земле. Небольшой уклон придавал им скорости. Получалось, что в опасности оказались все, кто стоял сейчас на дороге и не замечал угрозы. Юная Всемила в тот день объезжала строительство с отцом и

охраной, так что своими глазами видела, как новый знакомец выхватил копья у растерявшихся дружинников из рук, воткнул одно на расстоянии трёх шагов от другого. Брёвна, подпрыгивая на неровностях, встретили преграду, но древка, засаженные глубоко в землю, ужегнулись под серьёзным весом, и, пока на подмогу спешили возница и стража князя, Фёдор один удерживал натиск, подставив спину и раскинув в стороны руки.

Впечатлённый увиденным Могута уже не раздумывал и позвал богатыря в дружину. Некоторое время к нему прислушивались и присматривались, проверяли, брали на слабо. Но Фёдор постепенно завоевывал доверие всех, с кем общался. Он был немногословен, но умел хорошо пошутить и любил посмеяться над чужими байками. Местная ребятня крутилось возле, когда он вечерами резал острым ножом фигурки из липовых чурок. Медведи, белки и другая лесная живность выходили у него на загляденье. Зимой он подбил товарищей соорудить детям горку, снискав благодарность многих родителей. А сколько женских глаз следили за статным витязем, и не счесть. Вот только сам он никого из девушек не жаловал. Поговаривали, что мужскую силу его забрал старый колдун, что ходит молодец к вдовушке, что верен недоступный красавец наречённой невесте из дальнего края. Байки разнились, обрастали сказочными подробностями, но рассказывались истории вполголоса, чтобы до Фёдоровых ушей не долетело.

Дружина сперва настороженно отнеслась к чужаку, но потом приняла его в ряды своего братства. Фёдор, где намеками, где примером, где прямыми подсказками стал лепить из княжьего войска боевой отряд. Было видно: ратный опыт у парня имелся с избытком. Будущий воевода не рвался к власти, просто звезды так сошлись, произошло всё естественно: стычка со степняками и гибель нескольких человек. Бояре при князе были людьми деятельными, не праздными сидельцами, они и присоветовали Могуте сделать ставку на молодого воина. Дружинники на своём сходе обсудили нового воеводу и приняли его без возражений. И никто ни разу о решении этом не пожалел.

Всемила и не заметила, как за воспоминаниями забыла и о змее, и о наступающем утре. Расчесала волосы, переплела косу и снова села. А что ещё делать в неволе? Беркут подлетел к окну, по обыкновению выставив вперёд лапы с острыми когтями. Потоптавшись на месте и найдя удобную позу, он дал себя почесать над клювом. Сенные девушки часто говаривали юной княжне, что всё зверьё к ней тянется. Лыслили или вправду видели в ней дар повелевать животными, трудно было понять. Но вот прибилудилась кошка и сопровождает Всемилу в злоключениях, птица-орёл повадилась прилетать каждый день. С чего бы?

— Какой ты ладный, — Всемила осторожно провела пальчиками по крылу. — Не боишься меня? Не тревожься, не обижу!

Беркут, наклоня голову, наблюдал за девушкой, а та вдруг запела. Рогволд вздрогнул: слишком много песен в последнее время он слышит. Голос Всемилы был похож на тёплые касания, трогающие самую душу. Княжна пела о родной стороне, о птице, что несёт весть из дальнего края, о ветрах и стрелах, сбивающих гонца с пути. Беркут застыл, когда она вдруг сказала ему: «Вот бы и ты отнёс весточку батюшке, дружок ты мой крылатый. Ты сильный, вмиг домчишься до Пеленицы, расскажешь про меня. Про змея!» И было в её словах столько боли и столько надежды, что Рогволд практически услышал, как рушатся каменные стены его самообладания. Хищная птица переступила лапами, неловко развернулась и, оттолкнувшись, полетела прочь. Заметив, что бело-коричневое перо кружась опускается вниз, Всемила высунула руку из окна и поймала его. Провела кончиком по губам, спрятала в рукав и прошептала тихое «здрав будь».

Катя жила у ведуньи уже несколько дней. Теперь она могла спокойно есть и пить, постепенно забылся пережитой ужас отравления. Любава, которая уходила по делам на целый день, оставляла свою пациентку на хозяйстве. Благо Катя кое-что понимала в печах и в тесте, да и

в целом готовила хорошо. Любава с благодарностью принимала заботу девушки, только вот к имени никак привыкнуть не могла и звала голубкой и другими птичьими прозвищами.

— Катя! Катерина! Да так язык сломать можно, корову впору так звать или собаку! – смеялась ведунья. – Не держи обиду, я не со зла!

А Катя и не обижалась. Да и чего обижаться, если вся жизнь и так пошла наперекосяк, а как выровнять привычное течение дней, никто не подскажет. От безысходности девушка начала больше практиковаться. Сферы по-прежнему слушались её мысленных приказов не слишком хорошо, но Катя научилась поджигать с их помощью дрова и отпугивать нахальных куриц. В очередной раз, когда она пыталась растопить печь по щелчку пальцев, её застала Любава. Слегка вытаращив глаза от удивления, ведунья негромко произнесла: «Вот те на!», и Катя подскочила от неожиданности. Сферы полопались, не долетев до места назначения. Повисла тягостная тишина.

— А ну, ещё разок! – Любава вдруг деловито уселась рядом с девушкой, будто они в университетской лаборатории ставят опыты по физике, и ничего необычного не происходит.

Балашова глубоко вздохнула. Вызубренный когда-то регламент чётко объяснял, что демонстрация сверхспособностей перед местным населением возможна в исключительных случаях. Двадцать два пункта, среди которых точно не было строчки «по требованию хозяйки квартиры». Но где теперь регламент, а где она? А хозяйка, что вытащила с того света и дала кров, – вот, толкает в бок кулаком.

— Птица-синица, не томи!

И верно, чего томить-то! Катя щелкнула пальцами, крошечные синие сферы, искря розовым, понеслись, залетели в устье печки и ... ничего не произошло!

Любава приподняла бровь:

— А ну-ка, ещё разок?

И снова никакого результата.

— Голубка моя, да ты не бойся! Видывала я людей, что взглядом солону поджигали. Тут ведь силу почуять нужно. Вожжи-то отпусти свои, чай не перед свекровью стол накрываешь! – Любава начала поглаживать девушку по спине. Теплая волна сняла напряжение, Катя снова вскинула руку и щелкнула пальцами. Секунда – и в печи разгорелся огонь.

Ведунья вскочила и поставила на шесток горшечку с водой. Подхватила ухватом и протолкнула внутрь.

— Сейчас я травку заварю, голубка. Хорошая травка, нужная. А ещё вот яблочек мочёных принесла. Прошлогодние. Ну да чем богаты в кузне были, то и дали.

— А что в кузне?

— Да в кузне подмастерье себе руку прижёт, снадобье относил. Жалко мальчика, ежели выгонят, пропадёт!

— Любава, просить тебя хочу.

— М-м-м?

— Можно я в город выходить буду? Сиднем не хочу сидеть. Ты же не мать мне, чтобы кормить. В прачки пойду или куда ещё.

Любава, разламывающая сухую траву на мелкие кусочки, задумалась.

— Девку только в услужение возьмут. Да и там свои верные люди нужны, а ты чужачка. Мальчишкой переодеть тебя, так и в подпаски можно али в подмастерье кому. Много не заработаешь, но на кусок хлеба хватит.

— В подпаски? – Катя представила, как она гонит по пыльной дороге коров, щелкая кнутом, а пастух даёт ей подзатыльник за малое усердие, и повела плечами.

— А давай-ка мне помогай. Дел много – там роды, тут недуги. Вдвоём сподручнее. Как-нибудь проживём! – Любава подошла к Кате и внезапно обняла её за плечи. – Я тебя травкам

научу, секреты важные открою. Только пока мальчонкой походишь. Грудь тебе замотаем, никто и не догадается.

— А девушкой походить нельзя?

— Девушкой можно, да только недолго бегать будешь – пришибут! Ох, голубка моя, знала бы ты, сколько горя я вынесла! И ведьмой звали, и волосы драли, и плетью били. То блазнится бабам, что мужиков увожу, то, что скотину травлю. Всякое было. Ты ведь девка видная, а с мальчонки какой спрос?

На том и порешили. Отвар, что приготовила Любава, оказал своё благотворное действие, уснула Катя быстро и снился ей князь Могута, грозно нахмуривший брови и отчего-то просивший: «Вставай, голубка! Вставай, беда!»

Балашова с трудом открыла глаза и тут же увидела над собой встревоженное лицо Любавы.

— Вставай! Город горит! – ведунья метнулась к столу, где собирала в разложенную ска-терть свои пожитки.

Катя помедлила. Нет, скучно ей в этой реальности не будет никогда. Соскочила с печки и начала натягивать сапожки.

Тревожно ржала лошадь, чуя дым. Любава кинулась выводить кобылу, а Катерина бросилась отворять ворота, сдвинула тяжёлый засов вверх, отвела створ в сторону и застыла. По улице во весь опор скакали одетые кто во что всадники, разящие саблями и мечами всех, кто попадался на их пути. Дом ведуньи находился на противоположном от главного входа в Пеле-ницу конце. А вражье войско преодолело расположенные гораздо ближе малые ворота и сей-час, судя по всему, двигалось по направлению к резиденции князя.

И всё бы ничего, но Любава вчера рассказала, что часть дружины отправилась на поиски Всемилы, а часть выяснять, правда ли, что трехглавый змей объявился в их краях и разоряет крестьянские земли. А это значит, что город остался без серьёзной защиты.

ГЛАВА 6. Два пути

Пока Фёдор со товарищи двигался в противоположную от темницы Всемилы сторону, то и дело натываясь на мастерски подsunутые фальшивые следы, а десятка три дружинников наводили порядок в дальних деревнях, где Змей Горыныч порядком сократил поголовье скота, разбойники готовились к важной операции, как сказал бы Рогволд. Но говорил он не так.

Воодушевленный собственной удачливостью, вещал предводитель шайки лихим ребятам о княжеском престоле, о неиссякаемых запасах медовухи и снеди, о сочных девушках и молодухах, взращенных на молоке и сметане, о казне, что ждёт не дождётся, когда они её найдут. Словом, настраивал своё воинство, которое после гибели пятерых товарищей в схватке с дружинниками немного напряглось. Воры и конокрады, грабители и убийцы отнюдь не были дураками, а уже пешками в игре атамана, державшегося в последнее время слишком надменно, быть точно не хотели. Кетун говорила любовнику о подозрительных взглядах и резко обрывающихся при её появлении разговорах вполголоса. Чары, которыми ведьма припугивала непокорных, уже не имели былого эффекта. Да и на неё саму посматривать начали с угрюмой подозрительностью.

Нужен был манёвр, ждать дальше уже не имело смысла, да и история с похищением княжны затягивалась. Того и гляди князь махнёт рукой и откажется от поисков, сочтя дочь безнадежно запятнанной или вовсе мёртвой, ведь в обоих случаях она уже не могла быть козырной картой в политической игре. Шепутны доносили, что Могута заметно чаще стал чудить, буяннить, прикладываться к чарке и гонять челядь почём зря, чего за ним раньше не водилось.

Рогволд как раз планировал устроить вылазку на дальних границах и изобразить нападение неприятеля, когда Кетун рассказала ему о змее, не сумев сдержать эмоции. Глаза черно-волосой красавицы сверкали, она жестикулировала, чего никогда себе не позволяла, и вожак понял — это не бред, не мираж, не оптическая иллюзия: Горыныч реально существовал и кружил над княжеством. Атаман не верил своей удаче! То самое легендарное реликтовое существо, один коготь или чешуйка которого могла принести баснословные прибыли, появилось на горизонте в самый нужный момент. Ночь они потратили на обдумывание деталей и возможных вариантов развития событий, следующий день — на выдачу премиальных каждому члену ватаги и оповещение вольных наёмников из соседних княжеств, на разорительное сотрудничество с которыми Рогволд вынужден был пойти.

Утром второго дня тюремщики Всемилы уже колотили в дверь светёлки.

— Вставай, княжна! Собираемся в путь!

Девушка сжала зубы в тихой ярости. В который уже раз её перевозили с места на место, но оделась она быстро, скатала в тугой рулончик ещё один кусочек тесьмы и крепко зажала в ладони. Когда-то Ватута, лучший следопыт, рассказывал ей про сломанные веточки кустов и деревьев, что послужат знаком, о вроде бы нечаянно оброненных по пути следования маленьких вещичках, о волосах, что цеплялись за сосновые иглы или древесную кору. Рассказывал в шутку, но глаза в это время внимательно наблюдали за княжной: поняла ли? Потом Фёдор показывал ей, как можно оставить след, указывающий на тебя, или, наоборот, сбивающий с толку преследователя. Учил метать нож и подсказывал, куда следует ударить нападающего. Всемила и смеялась тогда, и пугалась, говоря, что ни за то в глаз человеку пальцем не ткнёт, но Фёдор качал головой и повторял в сотый, наверное, раз: «Княжна — слишком лакомый кусок». Тогда девушка не понимала до конца, что он имел в виду. А сейчас вот жизнь заставила убедиться, что прав был воевода. Всемила вышла на крыльцо, с приступки, подставленной под ноги, легко вспрыгнула в седло, и небольшой отряд отправился в дорогу. На расстоянии пятидесяти шагов от начала пути девушка незаметно разжала ладонь. Замыкающий кавалькаду раз-

бойник сильно наклонился в седле, подхватил обронённую тесьму и спрятал за пазуху. Девка хоть и умна, да жизнью не учена!

Дружинники ехали в полной тишине. Не глупые — всё понимали и про князя, и про княжну, и про Фёдора. Воевода выглядел спокойным, но видно было, что даётся ему возвращение с пустыми руками очень тяжело. Его не дергали по пустякам, да и Меньша не позволил бы беспокоить своего старшего товарища, за которым следовал как тень.

Фёдор покусывал ус — дурацкая привычка, которую перенял у Могуты. Но это методичное движение немного успокаивало и позволяло сосредоточиться на главном. А главным в сегодняшней повестке были провал спасательной операции и предстоящий тяжёлый разговор с князем. С каждым разом наживку им подсовывают всё ближе под нос, уводят от столицы всё дальше и дальше. Как куропатка, прикинувшись подранком, уводит лисицу от своих птенцов. От чего уводят их? Пеленица надёжно защищена. В городе изрядный запас воды и провизии, можно выдержать длительную осаду, да и про тайный лаз под городской стеной знают всего несколько надёжных человек. Этой весной ход, правда, завалило, но, насколько Фёдор знал, подземный коридор расчищали, и работы должны были уже закончиться. Так зачем все эти хороводы?

Птичий клёкот раздался высоко в небе. Как будто кто-то смеялся над Фёдором. Прямо над головой парил беркут, редкая птица в этих краях, изобилующих лесами и лугами. Беркуту место в степи. Место в степи. В степи... Перед глазами тут же появилось знакомое лицо. Когда это было? Год, два назад?

— Здоров ли, Фёдор?

— Да живу потихоньку, как сам?

— Да вот орлёнка добыли мне, видишь! — княжий сокольничий показал воеводе смешного серого птенца. — Дурни, а не помытчики. Хороший помытчик разве же не посмотрит, что из гнезда тягает. Хворый ить!

— Не слышал, чтобы с орлами охотились.

— Как же! Степняки натаскивают. Но по мне, орёл-беркут лучше. Беркут, Фёдор — иное дело. Птица степная, видит далече. Как он зайца берёт, как берёт! С подлёту, ноги вперёд выставит, когти распустит и хват! Только крыльями сухую траву всколыхнёт и сразу в небушко. А когтищи-то видел? Видел, каковы они у беркута?

Фёдор отправился вслед за приятелем в соколиную избу, где держали охотничьих птиц. Чужих туда не допускали, хранили все секреты натаски и даже кормления пернатых охотников в большом секрете. На Т-образном шесте в дальнем углу сидел огромный орёл в смешном кожаном колпачке с кисточкой. Услышав людей, он замахал крыльями и привстал на своих длинных ногах, одетых будто в мохнатые штаны. Когти были внушительными, с палец.

Воевода резко остановил коня. Теперь часть картинки сложилась: на подоконнике в светлице у Всемилы были следы птичьих когтей. Финист-ясный сокол прилетал к ней что ли, ну в самом-то деле?! Сообразив, что перекрывает друзьям дорогу, воевода тронул поводья.

В этом месте дорога делала резкий поворот и исчезала за берёзовой рощицей, навстречу дружинникам выехал обоз из трёх телег, гружёных скарбом. К одной была привязана корова, на другой в клетки покряхтывали куры.

Меньша, уставший так долго сохранять серьёзную озабоченность, поздоровался первым и, пока обоз и верховые разъезжались, успел перекинуться парой слов с молодой бабой, что правила второй телегой. Он нагнал товарищей спустя некоторое время и двинул вороного прямо к Фёдору.

— Друзе, — заговорил он вполголоса. — Люди от беды бегут. У Белой речки, говорят, чудище объявилось, трёхголовое. Едут, слышь, к родне под Велик-камень. Говорят, князь дру-

жину отправил с лучниками, но змея стрелами да мечами, мол, не возмѣшь. А он, гадище, озимые да избы пожѣг, скотину порезал да потаскал. Беда, воевода!

Напасть за напастью, как специально! По всем фронтам! Фѣдор нахмурился досадливо. Но змей – это ведь одно из его заданий. Результата в университете ждут уже четвертый год, и, хотя он уже передал очень много материала по требованию самых разных ведомств, но заполучить образцы тканей живого змея так и не сумел. Это вообще большая удача для целого ряда лабораторий. До сих пор ни один искатель не смог даже на сто метров приблизиться к легендарному Горынычу. Как такой огромной махине удаётся оставаться неуязвимой, большой вопрос. Ещё один в целой череде оставшихся без ответа.

— Меньша, уважь, просьбу выполни одну. Как прибудем, я к князю на доклад, а ты ласточкой к Любаве. Проверь, одна ли сейчас, не гостит ли кто, а если и гостил, то не уехал ли. А ежели уехал, то когда и куда. Вызнай всё, потом мне слово в слово передашь. И вот что, – воевода раздумывал, продолжать ли. – Коли князь меня наказать вздумает, на то его воля, я перечить не буду, за Любаву и тех, кто рядом с ней, отвечаешь: помоги, чем сможешь. Большого не прошу!

Ошарашенный поворотом разговора, Меньша не нашѣлся, что ответить, а Фѣдор уже припустил коня рысью — вдалеке за холмами на темнеющем вечернем небе разгоралось зловещее зарево. Уставший отряд, встревоженный страшной, но никем не озвученной догадкой, пустился вскачь за воеводой.

Наверное Могута и самому себе не посмел бы признаться, насколько нужна была ему эта встряска. Из брюзжащего, внезапно начавшего стареть мужчины, он на глазах превращался в прежнего – собранного, точно понимающего, как действовать и что говорить князя. Он жестом остановил Мэрит, стоящую перед ним в полном боевом снаряжении, что подарили ей северные гости в очередной свой приезд. Мимолетным движением провѣл по носу жены и слегка стукнул по кончику.

— На тебе двор и терема. За моей спиной должен быть верный человек. Поняла? Незнакомых не жалеи, себя береги и помни — помощников у нас немного! – князь поцеловал жену и тут же быстро вышел.

Мэрит не могла бы сравниться с воином, который в боевом раже уже жаждет запаха крови и не чувствует ни усталости, ни смертельных ран. Но северянка не боялась сечи, она многое умела и хватки не теряла, ибо наказ матери помнила крепко. Княгиня тренировалась подальше от любопытных глаз с одним-двумя верными людьми.

Небольшой отряд стрельцов и молодых бояр с князем во главе выезжал из уже закрывающихся тяжѣлых ворот, когда в сужающееся пространство попыталась проехать женщина и мальчик, сидящие на гнедой кобыле с белой звездой во лбу.

— Любава?

— С добром иди, княже!

И ворота захлопнулись.

Мэрит никогда и взглядом не давала понять Любаве, что знает о давнишней связи мужа и ведуньи. Да и зачем ворошить прошлое? Во-первых, князь тогда был вдов и безутешен, а во-вторых, отношения прекратились сразу же, как Могута женился во второй раз. Но всё равно княгиню немного раздражала эта женщина, которая как будто перестала стареть и навеки осталась то ли девкой, то ли бабой.

Сейчас, встретив прибавление в своём немногочисленном войске, Мэрит поморщилась – она предпочла бы увидеть двух дюжих молодцев. Во дворе остались трое лучников, четверо стражников, двое бояр почтенного возраста, успевших доехать до князя после начала пожара, да дворовые. Любава, не поклонившись (да и до того ли?), сразу перешла к делу:

— Княгиня, мы не в тягость тебе. Я с луком управляюсь хорошо, а помощник мой, — тут ведунья подтолкнула Катю вперёд. — И кинжалом владеет, и с мечом справится.

Катя в нахлобученной по самые глаза шапке и вправду смотрелась парнишкой. Отороченная мехом жилетка с кожаным узором была Балашовой великовата и сейчас надёжно скрывала от посторонних глаз девичью грудь. Странную одежду когда-то выменяла Любава у заезжего купца, который вёз её от самых южных степей. Жилетка была с секретом: под каждым завитком диковинного узора была вшита тонкая железная пластина. Вещица была тяжела, но женщину могла защитить от неожиданного удара и спереди, и сзади. Схватила её ведунья в последний момент, когда стало понятно: жителям Пеленицы придётся в бою отстаивать свою жизнь. Мэрит осмотрела пополнение и молча кивнула в сторону арсенала.

Огонь шёл по крышам, лизал заборы и сухую прошлогоднюю траву, что не успели поджечь козы. Люди метались, рогатинами сволокивая горящую солому со скатов, растаскивая тлеющие брёвна, пытались спасти скотину. Ватага разбойников носилась по улицам, постепенно закручивая спираль движения вокруг княжеского терема. Сейчас никто уже не ринется туда выяснять, что происходит и, если что, защитить. Другие заботы у жителей Пеленицы.

Два всадника несли, подхватив за цепи, таран с железным передним концом — барана. Они подъехали к княжеским воротам, спешились, надели цепи на плечи и начали раскачивать своё орудие, пока оно не врезалось в запертые накрепко створы и не смяло брёвна в центре. Этот сухой звук услышали все, кто был во дворе и тереме. Мэрит подняла руку — возле куч сена, уложенных поперёк въезда и облитых смолой, стояли мальчишки с факелами. Княгиня дала знак, и ленивый огонь стал пожирать предложенную ему еду; ворота распахнулись, первые несколько всадников ворвались во двор. Секундного замешательства врага хватило лучникам, чтобы уложить трех разбойников, но сзади уже напирала остальная ватага, да и огонь быстро насытился и уже никого напугать и остановить не мог.

Катя закрыла глаза, выдохнула, выкинула из головы все мысли. Свой любимый кинжал с коваными специально под её ладонь рукояткой и гардой она оставила на постоянном дворе, а в арсенале нашёлся лишь странный кривой нож непонятного происхождения да узкий меч, которым какой-то отпрыск княжеского рода баловался в детстве. Но оружие было сделано на совесть, и девушка уповала на него и на собственные навыки. Она заправила под шапку постоянно мешающие в последнее время волосы, сбоку от себя положила несколько палок и старую булаву с отколотым от наверхия куском. Курсант Балашова чуть присела, пружиня коленями, и выставила вперёд согнутые руки.

— Не медлить, не жалеть, не бояться! — повторяла она наставления Бабая. — Не медлить, не жалеть, не бояться! Не медлить, не жалеть...

Прямо на неё нёсся верховой разбойник, размахивающий над головой ятаганом. Катя отпрыгнула в сторону, успев сделать одно лишь движение — полоснуть под коленом животного. Выполнить его в реальности оказалось сложнее, чем на ментальном симуляторе. Лошадь, сделав ещё несколько шагов, упала, придавив телом наездника, значит, у Кати есть время не смотреть назад до тех пор, пока неприятель не встанет и не нападёт со спины.

Разбойники спешили и кидались на защитников княжеского подворья. Внизу, в самом подполе, так и остался не откопанным до конца потайной ход. Могута ждал, когда привезут морёный дуб для подпорок, и сейчас осаждённым попросту некуда было отступать.

Любава, устроившись на верхнем пролёте высокого крыльца, сделала всего несколько выстрелов. Слишком тесный двор и активнодвигающиеся люди не давали возможности стрелять прицельно. Ведунья отыскала глазами Катю, та кружила в странном танце с одним из разбойников, и женщина поняла, что девушка сумеет постоять за себя. Любава в сердцах перекинула через спину лук, поудобнее ухватила рогатину и сдвинула вперёд висящий на поясе мешочек с золой, что можно было бросить в глаза нападающего.

В это же самое время горожане пытались справиться с огнём и спастись. К дальним сёлам, где часть дружины искала змея, во весь опор мчались за подмогой гонцы, обитатели княжеского двора отчаянно дрались за свою жизнь. Могута, зажатый с отрядом в узком переулке, уже понял свою ошибку и оценил стратегию врага. Князь разил направо и налево, но разбойникам, которых было отнюдь не больше, чем воинов князя, было легко контролировать запертых в маленьком просвете между бревенчатыми частоколами людей. А в это время две группы всадников подъехали к Пеленице с двух сторон, чтобы через несколько минут сойтись в одной точке.

ГЛАВА 7. Цена

Дружинники во главе с Фёдором неслись к терему, не отвлекаясь на происходящее на улицах. Завидев распахнутые ворота княжеского двора, воины ринулись в них и влетели с размаху в самый разгар борьбы.

Хватило одного взгляда, чтобы понять и оценить всё, что произошло. Вид подворья, освещённого заревом пожара и несколькими догорающими факелами, наглядно демонстрировал, насколько дорого ценили свои жизни и честь люди Могуты. Где-то в глубине терема раздавались гортанные чужеземные ругательства Мэрит, и часть дружинников сразу побежала на выручку княгине. Кто-то худой и юркий, кого трудно было разглядеть в подсвеченных красным сумерках, из последних сил отбивался от двух разбойников. Туда уже спешил, перепрыгивая мёртвых и раненых, Меньша. У крыльца, на земле, неловко развернув ногу, лежала Любава, Фёдор кинулся к ней, приподнял голову и двумя пальцами нащупал пульс на шее. Жива! Ведунья застонала, открыла глаза.

— Фёдор...

— Ранена?

— Нет. Оземь ударилась, а в горлицу никак не перекинусь, — Любава улыбнулась окровавленной страшной улыбкой, дотронулась до разбитой губы и поморщилась от боли. — Скинули меня с крылечка эти псы поганые. Ты иди, я сама!

Фёдор подтянул подругу, прислонил к бревенчатой стене и, на ходу добив мечом шевелящегося ещё разбойника, взбежал по ступеням в терем.

— А ну, братишка, посторонись! — Меньша перекинул булаву из руки в руку и, выпустив её на мгновение в свободный полёт, сдерживаемый прочным кожаным ремнём, обвивающим запястье, нанёс коренастому разбойнику в меховой шапке сокрушительный удар по голове.

Страшное оружие смяло череп. Мужчина, по виду напоминающий жителя южных княжеств, сначала упал на колени, а затем рухнул в землю лицом, превращенным в кровавое месиво. Второй нападавший попытался было обойти богатыря, но булава нагнала и его: хрустнули позвонки, и человек хрипло вскрикнул, не успев увернуться от следующего, уже смертельного удара.

Из-за угла выглянула тёмная голова, и чья-то фигура кинулась к открытым воротам. Меньша освободил руку от булавы и вытащил меч. Удивительно проворно большое тело дружинника метнулось наперерез удирающему разбойнику. Шваркнуло по кольчуге лезвие и раздался визг, больше похожий на крик свиньи. Обессиленная Катя наблюдала, как рослый светловолосый детина вонзил меч в живот неприятеля, резко вздёргнул лезвие вверх и тут же вынул его, оттолкнув тело ногой. Нагнувшись, Меньша обтёр клинок рубахой мёртвого разбойника, убрал оружие в ножны и только тогда взглянул на худенького паренька в чужеземной одежде без рукавов, надетой поверх простой рубахи. Обвёл рукой поле боя:

— Твоя работа?

— Моя.

— Да ты, я посмотрю, удалец! А с виду так и соплёй перешибёшь! — Меньша выглядел так, словно всего пару раз присел или отжался, ни пота градом, ни полубезумного взгляда.

Порезвился добрый молодец слегка, а вот Катя еле стояла на ногах. Дружинник подобрал булаву и, с силой хлопнув парнишку по плечу, направился к крыльцу. Дружеское подбадривание звоном отдалось в голове девушки. На руках и лице уже запекалась чужая кровь. В горле бился пульс, нестерпимо ныли плечи, пересохшие губы кривились от боли, а где-то в боку нарастало ощущение ожога. Катя задрала рубаху: разбойничий нож чиркнул по телу, разрезав ткань и располосовав кожу. Кровь сочилась прямо по ноге и собиралась теплой липкой

жижей в сафьяновом сапожке. Гул в голове превратился в набатный звон, и храбрая воительница потеряла сознание.

Могута ворвался на княжий двор следом за отрядом Фёдора. Потеряв нескольких человек, он уже оценил, на чьей стороне перевес. Если у врага остались ещё силы, то занять город ему не составит труда. Пеленица, вернее то, что от неё осталось, будет захвачена быстро и без борьбы. Вид тел, валяющихся по всему двору, напугал князя, он бегом, перескакивая ступени, ворвался в терем, чуть не сбив с ног дружинников, выволакивающих мертвецов на улицу.

Несколько лучин освещали комнату. Мэрит сидела у окна, опершись спиной о стену, одну руку ей перевязывал Ватута, но сквозь повязку тут же проступало алое пятно. Косы княгини расплелись, и роскошные волны светлых волос водопадом стекали на пол.

Им не нужны были слова, чтобы объяснить друг другу бушевавшие их чувства. Могута дождался, пока следопыт закрепит конец повязки, сел рядом с женой, аккуратно, чтобы не потревожить рану, обнял. Та склонила голову на мужское плечо и закрыла глаза.

Дружинники стали спешно покидать горницу, понимая, что переглядываясь. Княгиня уложила нескольких человек точными и искусными ударами. Но если бы помощь не подоспела вовремя, исход битвы был бы печален: одна раненая женщина не выстояла бы против разгорячённых сражением убийц.

Фёдор мялся в простенке, не смея начать разговор и спугнуть то единение, что возникло между Могутой и Мэрит. Но ответ перед князем рано или поздно держать придётся.

Разбойник связал Всемиле руки и перекинул через седло. Значит, решила девушка, всё скоро закончится. Где-то напротив ярмарочной площади их отряд остановил гневный мужской окрик:

— А ну, отпусти бабу!

Дальше Всемила уже и не слышала ничего, везущий её негодяй сильно ударил княжну ногой по голове, и в глазах девушки потемнело. Очнувшись она от того, что кто-то стирал ей кровь с подбородка. Над княжной склонилось мужское лицо, покрытое танцующими оранжевыми тенями (догорали больше сараи, где хранили свои товары заезжие купцы). Тёмные блестящие глаза смотрели участливо, от кончика брови к щеке вился тонкий белый шрам. Мужчина улыбнулся:

— Как звать, красавица?

Всемила попыталась ответить, но разбитые губы не слушались. Незнакомец помог ей подняться, и, встав на ноги, дочь Могуты увидела трупы своих похитителей и тюремщиков. Поскольку рядом ни одного воина больше не было, победу над врагом следовало приписать единственному спасителю.

— Куда отвезти тебя, милая? Где дом твой? Видишь — тут дворы горят, нужно родных твоих найти! — мужчина протянул княжне баклагу. — Пей!

Вода придала сил. Хрипло и немного невнятно Всемила ответила, пытаясь сообразить, стоит ли доверять незнакомцу:

— На княжий двор вези меня, там я живу.

— Куда велишь, туда и отвезу! — мужчина внезапно легко поднял Всемилу за талию и боком усадил в седло. — Держись крепче!

Пока они двигались по улицам, где царили паника и нарастающее отчаяние, девушка рассматривала своего спутника. Был он немного ниже Фёдора, но широкоплеч и силен. Тёмная одежда могла принадлежать и купцу, и странствующему воину. Только вот купцы так себя не ведут и ходят гогаем, а не волчьей походкой, выдающей настороженность и готовность встретить любую опасность. Всемила потёрла лоб: она уже где-то видела этот тонкий и очень заметный на смуглом лице шрам. Но мысли о незнакомце постепенно сходили на нет. По мере того, как картина пожара разворачивалась перед девушкой, княжна осознала весь ужас произо-

шедшего. Теперь единственным её желанием было добраться до дома и убедиться, что близкие живы и здоровы.

Меньша не поехал с остальными. Оставить Фёдора, которого Могута потребовал к себе с докладом, он не мог. Князь, бояре и воевода вели тяжёлый разговор, результат которого сильно волновал всех дружинников. Меньша решил занять себя делом: закидывал трупы разбойников внавалку на телегу, относил раненых на руках в большую избу, стоящую позади терема. Здесь жила прислуга, теперь люди в этом доме боролись за жизнь, стонали, ругались и ждали помощи. В очередной заход дружинник наткнулся на Любаву, что сама ещё не отошла от падения, но старалась помочь каждому страждущему. Ведунья оглядела окровавленную рубаху Меньши и сокрушённо покачала головой, её руки ловко перевязывали голову старухе-ключнице.

— Ты, соколик, моего помощника не видел?

— Каков с виду?

— Мальчонка совсем. Худенький, в кафтане заморском, без рукавов. На нём узор наборный, приметный.

— Постой! Это не то ли парень, что один супротив двоих стоял?

Любава вскинула глаза на Меньшу:

— Разыщи да сюда приведи! Мне его помощь нужна.

Выйдя из людской, Меньша направился к тому месту, где встретил отважного мальчишку. Тот лежал на боку там же, где и бился с врагом. Дружинник выругался на себя вполголоса: как он не заметил, что паренёк ранен? Окинув взглядом тонкую фигурку, дружинник приложил к губам лежащего ладонь, почувствовал тёплый выдох и улыбнулся — жив! Подхватил раненого на руки и, встав без особого усилия, понёс к Любаве. Бережно уложив паренька на половик, Меньша огляделся: раненых было много и где-то среди них сновала Любава, дававшая указания и достающая очередную травку из своей бездонной сумы. В людской стоял резкий запах можжевельника и лечебных отваров, именно от этого запаха Катя очнулась и увидела сидящего рядом на корточках давешнего своего спасителя — белокурого дружинника.

— Ах ты! — невесть откуда появившаяся ведунья нагнулась над девушкой, быстро осматривая её в поисках раны. Вот она заметила кровавое пятно, аккуратно закатала подол рубахи, удовлетворённо кивнула. Затем полезла в сумку и достала тряпицу с кривой сапожной иглой и шёлковой нитью. — Терпеть будешь, или сон-травы дать?

Меньша с интересом наблюдал за реакцией раненого, будто старался убедиться, что паренёк не струсит.

— Терпеть буду! — Катя хотела сказать, что рану нужно продезинфицировать, но точно знала, что ни спирта, ни любых других антисептиков в этой реальности не найти.

Ведунья подставила ближе к Кате кованный светец с горящей лучиной. Машинально девушка схватила руку Меньши и, пока Любава методично протыкала её кожу и протаскивала сквозь кровавые отверстия нить, смотрела в его глаза, цвет которых не могла определить точно. В какой-то момент энергия, что копилась в кончиках пальцев уже долгое время, закипела и мощным импульсом передалась Меньше. Молодой мужчина опустил глаза на свою руку, пережатую тонкой ладонью, а потом снова поднял взгляд на Любавиного помощника. Брови его сошлись на переносице и едва дотерпев, пока ведунья закончит своё шитьё, дружинник вскочил на ноги, потирая будто бы обожжённое запястье.

— Пойду я, — и стрелой выскочил на улицу.

Фёдор слышал всё, что творилось у Могуты в голове: Любава дала Мэрит отвар сон-травы, чтобы княгиня уснула, а сама занялась раной. Князь отправил своих людей на улицы Пеленицы выискивать и добивать врагов, помогать честным людям. Наступала ночь, нужно было найти приют для погорельцев, накормить их. Дел было невпроворот.

Но гораздо важнее были слова, которые вот-вот вырвутся из уст князя, но правитель молчал, оттягивая решение. Все прятали глаза от воеводы, опасаясь выдать своё отношение до оглашения официального вердикта. Фёдор выхватывал из нестройного хора чужих мыслей сочувствие, досаду, злорадство, огорчение и даже полное равнодушие к его судьбе, но это не имело никакого значения. Искатель сейчас думал о Горыныче — желанная цель была близка как никогда. Имели ли сейчас значения чувства? Вот Могута поднялся, неспешно сделал несколько шагов по направлению к своему верному воеводе.

— Ты упустил воров несколько раз, Фёдор. Не нашёл мою дочь. Оставил Пеленицу огню! — при этих словах искатель поймал взгляд князя и смотрел прямо, не отводя глаз. — Ты не защитил мою семью, воевода! Теперь ответь, что нужно с тобой сделать?

— Твоя воля, князь, — Фёдор даже в этот момент не склонил голову. — Коли моя вина, то за неё и отвечать буду. Скажешь на плаху, я пойду.

Могута растирал ноющую шею. Давно он так не рубился, тело отвыкло от сечи и сейчас напоминало о возрасте.

— Моя, моя воля, а чья ж ещё? — князь стоял перед Фёдором и не мог принять решение.

Беда, настигшая стольный город, могла уничтожить всё Пеленицкое княжество. Здесь не бедствовали, жили сытно, в достатке, и этим вызывали зависть соседей. Но чтобы сейчас поддержать людей и успеть восстановить сгоревшие дома и постройки до осени, нужны мир, полная до краёв казна и работа днем и ночью. Стоит ли на этой переправе менять коней?

— Эй! Есть кто живой? Принимайте гостей! — громкий мужской голос, донёсшийся с улицы, прервал раздумья Могуты. Один из бояр выглянул в окно и оторопело замычал, тыча в сторону ворот пальцем:

— Тама, князь, тама она...

Правитель княжества пригнул голову, вглядываясь в темноту двора и, резко развернувшись, выбежал на крыльцо. Короткая июньская ночь уже уступала место мутному рассвету, и в неверном свете зари отец скорее угадал, чем точно увидел лицо своей дочери.

— Всемила! — князь внезапно потерял способность двигаться и только наблюдал, как его княжна бежала к нему по двору и, запыхавшись, крепко обхватила Могуту руками.

— Батюшка, милый мой! Родной мой!

Оба роняли слёзы, а вокруг уже собирались люди. Невероятное возвращение княжеской дочери было из разряда чуда, а чудес сегодня уже никто не ждал. Рогволд привязал жеребца к коновязи и направился к крыльцу княжеского терема. Выждав несколько раздражающе томительных минут, пока Могута и Всемила, путаясь и беспрестанно прикасаясь к друг другу, пытались поверить в реальность встречи, он отвесил земной поклон:

— Не вели казнить, вели слово молвить, княже!

Фёдор не верил своим глазам. «Удивлён? Ну, так привыкай, Феденька! — услышал он мысли Рогволда. — Далеко не отходи, разговор важный есть. И не торопись сдавать меня. Всемилу пожалей!»

Счастливым отец оторвался от дочери, продолжая сжимать её руки в своих, и обратился к незнакомцу:

— Ты спас красавицу мою?

— Я, княже!

— Проходи в дом, расскажешь, как дело было...

Рогволд вскинул бровь. Немного не такой встречи он ожидал, ему рисовались отеческие объятия в духе «проси, чего хочешь!» Но нет, так нет, и атаман начал подниматься по ступеням.

Спустя час Фёдор поймал своего давнего соперника за рукав и оттащил за глухой угол.

— Пока ты не начал размахивать перед моим лицом своими кулачищами, давай-ка проясним ситуацию. Одно твоё слово... — Рогволд картинно обхватил подбородок пальцами. —

Нет, не так! Любое слово любого твоего человека, и Всемила тихо умирает во сне. Помнишь, как в Венеции?

Фёдор ничего не ответил. Услужливая память тут же подсунула ему воспоминания о смерти так и не ставшего великим художника Джакомо Детти, который был отравлен по приказу дожа Венеции Людовико Сфорца. Мастер живописи тихо умер во сне, а Людовико, последним выходявший из комнаты Детти, чувствовал глубокое удовлетворение. Его верный слуга Родриго, слегка поглаживая тонкий белый шрам, идущий от брови к щеке, ждал хозяина на улице. Дело было сделано: копия недописанного шедевра «Мария, идущая вслед за Иосифом» потрескивала и корчилась в очаге, скрывая за пеленой огня прекрасное, нарисованное маслом на холсте, тело Доменики, жены дожа, коварной изменницы. Вот только горела копия – черновой набросок, а туго свёрнутый в рулон оригинал ждал своего часа в скромной суме слуги Сфорца. Чужестранец, покровитель Детти, высокий и широкоплечий князь из Флоренции, успел лишь на последние секунды трагедии. Искатели пересеклись взглядами, и Рогволд, он же Родриго, отвесив низкий поклон Фёдору, хлопнул гондольера по спине. Узкая высоконосовая лодка заскользила по черной воде канала, увозя рогоносца дожа, его ушедшего слугу и шедевр, который будет продан в частную коллекцию одного из влиятельных руководителей космофлота.

Боевода закусил ус. Рогволд усмехнулся и нарочито дружески положил руку на мощное плечо бывшего коллеги:

— Думай, Федя, думай. Взвешивай! Про Горыныча, небось, слышал уже? О! Вижу – слышал! Такой куш на кону, на кой тебе эта девка? Ты же не знаешь, может, мы её попортили чуток, а? – Рогволд ловко увернулся от апперкота и бросил через плечо, уходя в сторону коновязи. – Дурак!

Все слуги, кто был в состоянии, отправились уже в господские хоромы выполнять никем не отменённые рутинные обязанности, Любава крепко спала, раненые постанывали и бредили. Кате не спалось. Прижав руку к ране, она потихоньку вышла на улицу. Ей нравились ранние летние утра. Девушка брела к небольшому плодовому саду, посаженному ещё отцом нынешнего князя. Вишня и яблони ещё кое-где не скинули цвет, весна в этом году запоздала, и Катя вдыхала их тонкий трогательный аромат.

— Болит?

Слегка подпрыгнув от внезапного вопроса, Катя развернулась и встретила с пронзительной синевой глаз. Меньша смотрел на неё (него?) сверху вниз, и этот взгляд совсем не нравился девушке.

— Не очень, – ответила полушёпотом, словно болела ангиной. Её голос никак нельзя было назвать мальчишеским. Они с Любавой упустили этот момент.

— Ну и ладно.

— Да.

И они пошли каждый в свою сторону. Катя, ощущая странное стеснение в груди, а Меньша чувствуя, что сходит с ума.

ГЛАВА 8. Не то, чем кажется

Пеленица умывалась грозовым ливнем. Потоки серо-бурой грязи неслись по улицам, при каждой вспышке молнии чёрные остовы сгоревших домов блестели, словно покрытые лаком.

Работа встала, но уставшие люди были рады неожиданной передышке, ведь трудиться придётся от зари до зари. Лето промелькнёт быстро, до первых жёлтых листьев нужно успеть сделать многое.

Уже неделю Могута дневал и ночевал на пожарище. Вернулась из неудачного похода за змеем дружина и тут же принялась помогать князю восстанавливать привычный уклад жизни города. Мэрит не отставала от мужа: под её руководством была организована раздача хлеба и продуктов. Подводы, гружёные мешками, двигались от двора ко двору, князевы слуги выдавали провизию и сыпали муку в миски, передники и кадки — в любую посуду, которую людям удалось спасти из огня.

Выгорело чуть меньше половины Пеленицы, и к чести горожан, не пострадавших от пожара, они протянули руку помощи погорельцам. Кто-то приютил во дворах и сараях целые семьи, кто-то взял на постой и присмотр ребятишек, пока родители восстанавливали жилища. Некоторые купцы раздавали ношеную одежду и старую утварь, а порой и товары из своих лавок, принимаемые пострадавшими с благодарностью. В общем, город демонстрировал силу духа и единение.

Рогволд наблюдал за всей этой ситуацией с ироничным удивлением. Он не ожидал такого благородства от необразованных серых людишек. План чёрного искателя постепенно воплощался в жизнь, и это не могло не радовать. Фёдора он не встречал, Всемила разговаривала с ним благосклонно, а грубоватые шутки «купца» постепенно пробивали брешь в стене настороженного недоверия, выставленной окружением Могуты. Атаман практически на аптекарских весах отмерял слова и интонации, оставаясь собранным и внимательным даже во время отдыха и трапезы. Ошибок допускать было нельзя. Поселили его в пустующем гостевом доме, столовался он в княжеской трапезной. И пока всё было тихо и предсказуемо. Вот только Кетун начала беспокоить всё сильнее: чутьё и магия предупреждали её о тёмных намерениях любовника, но слепая к нему привязанность пока не давала сделать правильные выводы. Скорее всего, прозрение произойдёт в самое ближайшее время, и к этому нужно быть готовым.

Атаман вынул клинок практикантки и усмехнулся: девчонку нужно было прижать в тёмном углу и сделать предложение, от которого, как говаривал какой-то мафиози в очень древнем фильме, отказаться будет невозможно. Если она захочет вернуться, то должна будет ему помочь.

Фёдор уже который день спал урывками. Он с товарищами занимался любой работой, необходимой в данный момент: пилить так пилить, ставить срубы так ставить срубы, ехать в Нижний Град за паклей так ехать.

Меньша вернулся к родовому занятию – в кузню. Его молот без устали бил по заготовкам, превращая раскалённый металл в трёхгранные гвозди, дверные засовы, обручи для бочек и тесаки. Князь объявил, что работает Меньша совершенно бесплатно для всех пострадавших, и вереница заказчиков, состоящая в последнее время из одних девок и баб, начинала выстраиваться к кузнице с самого утра.

Осанистый местный кузнец спокойно уступил своё место, выступая иной раз в качестве помощника, однако большей частью занимался покрытием крыши над своей избой. Меньша работал красиво, даже когда оставался у наковальни и горна один, не суетился. В кожаном фартуке, без рубахи, с перевязанными тесёмкой волосами он выглядел как сам бог Сварог, пришедший на помощь людям, только длинной бороды не хватало. Прохожие замедляли шаг,

чтобы глянуть сквозь распахнутые двери кузни, как княжеский воин колдует над огнём и железом, высекая искры ударами молота весом в полпуда. Только Фёдор, изредка заглядывающий к другу поболтать да перекусить, понимал, что трудовой энтузиазм кузнеца рождён был в том числе и занозой в душе, которую воевода уже давно выловил из мыслей молодого товарища. Жаль, что в этом деле помочь Меньше он не мог, не находил нужных слов, да и никто не смог бы.

Пеленичи постепенно переставали говорить и вспоминать о случившемся, погружались в нахлынувшие заботы. Могута же постоянно думал о странностях ватажьего набега, так скоро завершённого, о толпах разбойников, замеченных на выезде из города в самый разгар паники и пожара, о возвращении дочери и о слухах, дошедших из соседних княжеств. Там горячо обсуждали беды Пеленицы, сокрушались по поводу престолонаследия. Кто, мол, теперь возьмёт в жёны порченную княжну? И дальше пересуды катились в сторону невозможных теперь военных союзов, бесплодия чужестранки-княгини и Змея Горыныча, что озорует на приграничных землях, и сладу с ним никакого нет. Всё это тяжким грузом висело на душе и не давало спать ночами. Могута всматривался в лицо Всемилы, когда заезжал домой, пытаясь найти ответы на мучающие его вопросы, но княжна была тиха и светла и ясный взор не отводила, вины своей не чувствовала ни в чём.

Ставр ходил взад-вперёд, и мерцающий уведомлениями прозрачный овал следовал за хозяином по пятам, зависая напротив глаз всякий раз, как преподаватель останавливался в раздумьях.

— Да уж сядь, наконец! – Нортон швырнул небольшой деревянный шар, и тот покатился по длинному стеклянному столу. Ставр поймал его, почти не глядя.

— Не могу Мартин, не могу. Не понимаю. Наблюдатели молчат, маяк перестал фиксироваться. Запасная система отслеживания вышла из строя. Ну не может это быть простым совпадением!

— Там, – и Мартин Нортон показал пальцем на потолок, – уже списали всё на плохую подготовку практикантки и намекают на твою неспособность организовать элементарное испытание.

— С родителями связались?

— Я не готов пока сообщать им от гибели единственной дочери.

— Не понимаю, Мартин. Ну не понимаю! Девушка показывала отличные результаты. Мотивирована на все 200 процентов. Никаких мальчиков и нарядов в голове. Только учёба. Чьих рук дело? Рогволд?

— Чёрных искателей и без этого гада хватает. Но по последним докладам, он был замечен в той же области, что и Балашова. Совпадение или нет, трудно сказать. Ты мне лучше подытожь результаты экзаменов. Сколько?

— Шестеро. Отличные ребята, потенциал высоченный. Балашова была бы седьмой. Чёрт!

— Ставр сел и подкинул деревянный шар в воздух. Тот завис в самой высшей точке и начал раскручиваться по спирали, пока не упал в широко раскрытую ладонь. – Я буду готовиться к переходу. Мне только нужно закончить несколько срочных дел.

— Ну, смотри! – Нортон сцепил пальцы. – Стоит ли рисковать ради призрачных перспектив?

— Призрачных? Мартин, мы о девочке говорим! С горящими глазами и великолепными мозгами!

— Не кипятись! – примирительно проговорил шеф. – Жду тебя завтра для обсуждения плана операции.

— Договорились! – Ставр пожал руку товарища и вышел из кабинета. Прозрачный овал двинулся за хозяином. Сегодня нужно успеть к доктору – старая рана, нанесённая соперником

в рыцарском поединке, ныла к плохой погоде. Ткани плохо поддавалась регенерации. Сказывалась инфекция, занесённая придворным лекарем, приложившим к ране сухой куриный помёт. Ставра передёрнуло.

Подводы с лесом двигались вереницей, возницы то и дело покрикивали на ребяташек, снующих всюду и сующих свой нос во все дела. Следом за обозом, катившим не по раскисшей в кисель дороге, а по траве, ехала верхом на своей кобыле Любава и вслух сокрушалась о кибитке, конструкцию и название которой когда-то ей подсказал Фёдор. Диковинная телега вызывала насмешки и удивление лишь поначалу, потом к ней привыкли и ведунья, и остальные. Сейчас, в жару, перемежающуюся грозами, полотняный навес был бы как нельзя кстати. Катя, ехавшая на старом мерине, которого ей выдали по приказу Могуты из княжеских конюшен, отстала от ведуньи весьма значительно. Она доверилась коню, который по ему только ведомым причинам выбирал, куда поставить копыто. Старое и весьма флегматичное животное обладало удивительно мягкой поступью и умудрялось даже на колдобинах везти раненую наездницу без лишней тряски. Серко — так звали мерина, очень нравился Кате. За несколько дней она привыкла к своему четвероногому товарищу и добросердечно заботилась о нём. Что ни говори, а это первая её личная лошадь. Катя улыбнулась и погладила коня по шее.

Убитых и погибших горожан всех сословий хоронили в один день, поминая скромно и не долго. Княжеское подворье лишилось нескольких слуг, и тем, что остались, приходилось трудиться за троих. Ведунье с помощником было поручено лечить раненых погорельцев, что Любава и Катя с успехом и делали. Девушка чаще всего молчала, ибо как ни старалась, не могла сделать свой голос похожим на мужской. На следующий день после пожара она сообщила наставнице, что выбрала себе имя.

— Вакула! — Катя наблюдала за реакцией ведуньи.

— Что ни дорога, то ухаб! — Любава засмеялась. — Что же за имя?

— Это, матушка Любавушка, кузнец такой был. Сказание про него есть. Полюбил он красавицу, а та ему и говорит: принеси, мол, обувь мне, что сама княгиня носит!

— А он?

— А он принёс. Явился пред светлы очи княгини и говорит, что, мол, так и так, люблю, говорит, мочи нет! Отдай, говорит, черевички свои моей суженой, иначе не жизнь мне. Ему княгиня за храбрость сама в руки и дала.

— Эка! Хорошему кузнецу и я козлиной кожи сапоги с ноги скинула бы. Как, говоришь, величали?

— Вакула.

— Ну, Вакула так Вакула.

Сейчас женщины съехали на нижнюю улицу, где стоял дом ведуньи. Но Любава решила сперва заглянуть к Меньше в кузню, чтобы передать поручение Фёдора — пересеклись они утром и перекинулись новостями да просьбами. Воеводе она рассказала про решение сделать Катю помощницей и парнем. Фёдор на решение Балашовой назваться именем гоголевского персонажа хмыкнул:

— Вакула?

— Вакула! — Катя озорно улыбнулась.

— Хорошее имя. Весёлое. Знакомое очень, м-да.

Воевода здраво рассудил, что сейчас выставить Катю на показ — не лучшее решение. Рогволд кружит вокруг, и если кража маяка его рук дело, то лучше на глаза южанину не попадаться. Фёдор часто думал о том, смогут ли кураторы найти пропавшую практикантку в нескольких десятках километров от места, где сработал маяк. Но это уж не его забота.

Меньша и вправду был прекрасен, Катя до этого момента не видела, как работает настоящий кузнец, и была впечатлена.

Огромный молот опускался на кусок раскалённого металла, удерживаемого внушительными щипцами, с таким певучим звуком, что сердца двух девиц, стоящих поодаль, как казалось, бились с ним в такт. Под влажной кожей молодого мужчины перекачивались могучие мышцы, а когда Меньша, употев, приложился к крынке с молоком, Балашова забыла, как дышать: белая струйка пронеслась по поросшему светлой щетиной подбородку, пробежала по шее и нырнула в желобок, образовавшийся между хорошо развитыми большим грудными мышцами. Потом обеими руками кузнец взялся за меха.

Катя, стряхнув с себя восторженное оцепенение, вызванное размеренными движениями Меньши, взглянула на его лицо и снова забыла о времени. Сильнее всего сейчас хотелось девушке подойти к кузнецу и, утерев его лоб рукавом вышитой рубахи, поцеловать эти синие глаза, которые смотрят с хитрым прищуром.

— Ну-ну, слюни не распускай! – Любава, как всегда, подошла неслышно и больно ткнула в раненый бок локтем. – Видишь, стерегут его, смотри, глаза повыщарапывают тебе здешние девки.

— Да ну...

— Меня не обманешь, голубка. Я такие дела сразу примечаю! — шепнула ведунья на ушко новоиспечённому Вакуле.

Любава вошла в кузницу и тихо заговорила с Меньшей, он что-то отвечал, но глаза его неотступно следили за Катей. Девушка чувствовала этот пронизывающий взгляд и покрывалась мурашками волнения. Кузнец явно пытался раскусить её, все невербальные сигналы, посылаемые его телом, говорили об этом. Знать бы ещё, что его настораживает в ведуньином помощнике. Нелепый наряд? Молчаливость? Умение обращаться с холодным оружием?

Меньша кивнул Любаве, скинул фартук, свистнул мальчонке, что играл рядом с кузней, и что-то шепнул ему на ухо. Малец подорвался с места и скрылся в переулке. Пока богатырь утирался и одевался, девушки, взволнованные его сборами, стали переговариваться и, наконец, та, что побойчее, спросила:

— Ждать ли тебя, кузнец, вскорости?

Меньша широко улыбнулся, продемонстрировав не только крепкие белые зубы, но и неожиданные ямочки на щеках, подошёл к девице вплотную и негромко ответил. Зардевшаяся красавица прыснула в рукав и, взяв за руку подругу и оглядываясь через шаг на молодца, пошла прочь. Из переулка показался здешний кузнец, кивнул Меньше и принялся переодеваться.

Дружинник отвязал вороного, вывел из-под навеса с коновязью, но верхом садиться не стал, повёл в поводу. Любава же с Катей взобрались на лошадей и неспешным шагом двинулись за Меньшей. До дома ведуньи они добирались заметно дольше, чем это произошло бы до пожара.

Дороги развезло, в некоторых местах, сваленные в кучи, лежали обгоревшие брёвна и скарб, бегали запыленные курицы. Изредка слышался голос очередного княжеского глашатая, кричавшего, что помощь окажут всем, что требуются мастера по дереву, плотники, что вдовы и сироты могут прийти на ярмарочную площадь, где княжна Мэрит кормит всех голодных. Словом, социальную политику Могута выстраивал грамотно. Балашова уже который раз это отмечала.

Любава охнула, выведя Катю из раздумий: с их полуобгоревших ворот кто-то снял петли, и наполовину чёрные створы стояли теперь, сиротливо приваленные к частоколу. Во дворе картина была не менее удручающей. Дом остался без крыши – она рухнула внутрь, погребя под собой всю обстановку. От кибитки остался чёрный скелет, а останки сарая выглядели, как обгоревшая нижняя вставная челюсть.

Все трое молчали, говорить особо было не о чем. Чтобы восстановить дом требовались мужские руки, а они в этот момент как раз ощупывали дубовые столбы, на которые предстояло снова навесить ворота. Ведунья прошла в дверной проём и осматривала всё внимательно, пытаясь обнаружить целые вещи под головёшками. Катя привязала Серко и кобылу к железному кольцу. Состояние дома пугало, но только начался июнь, и пусть ночи ещё были прохладными, но морозов точно не будет, пережить потерю крова будет значительно легче.

— Верхние брёвна, венец, крыша, – будто диктуя кому-то, бормотала Любава. – Сараюшку какую-никакую... Печка. Печка-матушка, цела ли ты, ждёшь ли нас?

Ведунья раскидывала головёшки и шла вперёд, перешагивая, перелезая, пачкаясь в золе.

— Цела! Слышь? Цела печка-то! – женщина повернула к Кате вымазанное сажей лицо. – А коли она цела, то и нам не пропадать!

— Любава, я сегодня останусь, помогу, чем смогу, перетаскаю погоревшее, – Меньша по-хозяйски оглаживал фронт предстоящих работ.

Хозяйка кивнула, продолжая освобождать печку.

— Вакула, воды натаškai! Дождевая бочка полная, но того нам мало будет, в горшки набери. И рану береги, а то потом возись с тобой хворым...

Катя послушно подхватила уцелевшую в пожаре, чуть подкопчённую огнём бадейку и направилась к колодцу. Она напряглась, когда на её руку, поворачивающую ворот, легла смуглая мужская ладонь, и вкрадчивый голос тихо произнёс:

— Как дела, милая?

Любава нагнулась, чтобы помочь Меньше вынести из дома длинную жердь, но вдруг резко выпрямилась с пустыми руками. Дружинник непонимающе глянул снизу и нахмурил брови:

— Что?

— Недоброе рядом. Беда ходит вокруг. Сходи-как глянь, как там Вакула. Не жалуют у нас чужаков, вдруг кто обидеть решил?

Меньша вытер руки о штаны и, оправляя кушак, пошёл на улицу. Любава поднесла руку к затылку: каждый раз она чувствовала ведьм, оборотней и колдунов именно этим местом. Здесь из лёгкого сначала покалывания разрасталась тупая головная боль, предвестник, который ни с чем не спутаешь. Сейчас совсем рядом с её спутниками находился злой человек, и кто знает, чего ему надо.

Попавшая в западню Катя попыталась вырваться, но железная хватка не ослабевала.

— Пусти!

— Не могу. Разговор есть. Важный. Как твоя жизнь.

Идущий к колодцу Меньша видел, как Вакулу удерживает чужеземец, спасший Всемилу. После нескольких секунд наблюдения дружинник крикнул:

— Не замай мальчонку!

Рогволд резко отшатнулся от девушки и, натянув самую искреннюю из своих улыбок, повернулся к Меньше.

— Пить просил, напугал, должно.

— Должно, – Меньша слегка улыбнулся в ответ. – Иди, Вакула, во двор, нечего ласы точить.

Два мужчины, как день и ночь, стояли друг напротив друга пару мгновений, потом обменялись кивками и разошлись. Рогволд дополнил свой чёрный список ещё одним именем.

Маленькое происшествие никто не стал обсуждать, работы было полно, и все трое трудились, не покладая рук, до сумерек, пока во двор с криками не ворвался мальчишка и не позвал Любаву к рожающей матери. Ведунья подхватила свою суму, хотела было окликнуть помощницу, но пожалела девушку и зашагала вслед за гонцом.

Печка дымила, побулькивал кипящий в горшке овсяный кисель. Странно было видеть над домом темнеющее небо. Катя со стоном распрямила спину, приложила ладонь к ране, что давала о себе знать, прикинула, что работы по расчистке могут затянуться на пару-тройку дней. Ведь с утра им с Любовью придётся объезжать больных, а личными делами заниматься лишь вечерами. Обернулась. Меньша опять смотрел на неё тем же самым странным взглядом. Балашова отмахнулась от своих переживаний и продолжила мести освобожденный от крупного мусора пол вокруг печи. Островок чистоты ширился, но, когда совсем стемнело, девушка устало привалилась к чёрной от сажи стене дома, прикрыла глаза. Тело требовало отдыха, и Катя незаметно для себя задремала.

Меньша смотрел на спящего Вакулу и не мог найти успокоения. То, что это девка, а не парень, дружинник уже давно понял. Все движения Вакулы, начиная с поворота головы, заканчивая тем, как он приседает, пытаясь что-то поднять с земли, выдавали в нём женщину. Богатырь помнил и странное ощущения больно обжигающего тепла от руки помощника ведущий, и то, как он правильно, очень уверенно двигался во время схватки с разбойниками. Зачем эта красавица (а в том, что это красавица, сомнений у Меньши не было никаких, пусть хоть по самый нос шапку натягивает) переделалась в мужскую одежду, дружиннику ещё предстояло выяснить. Тогда, ранним утром в саду, он увидел длинную стройную шею под завитками тёмно-русых волос, почувствовал аромат трав и то, что нельзя описать словами, но точно подсказывающее, что это женщина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.